

МОНИКА КРИСТЕНСЕН ЭКСПЕДИЦИЯ

**АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН**

Арктический криминальный роман

Моника Кристенсен

Экспедиция

«Паулсен»

2014

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)

Кристенсен М.

Экспедиция / М. Кристенсен — «Паулсен»,
2014 — (Арктический криминальный роман)

ISBN 978-5-98797-191-8

Экспедиция к Северному полюсу окажется на грани срыва из-за непонятного заболевания среди людей и собак. Когда спасательный вертолёт наконец прибывает, руководитель категорически отказывается вернуться обратно на Шпицберген. Опытный полицейский Кнут Фьель, заподозрив неладное, остаётся в лагере полярников, чтобы вместе с ними идти на полюс. Запутанные и трагические события приведут к ужасным последствиям. Но кто в этом виноват? Как и в трёх предыдущих книгах Моники Кристенсен, интуиция и опыт не подведут шпицбергенского полицейского Фьеля. Книга получила много откликов в прессе как в Норвегии, так и в других странах.

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)

ISBN 978-5-98797-191-8

© Кристенсен М., 2014
© Паулсен, 2014

Содержание

Пролог. Медведь	7
Глава 1. 87-й градус северной широты	8
Глава 2. Просто собака	14
Глава 3. Подозрения	19
Глава 4. Препятствия	25
Глава 5. Наблюдатель	29
Глава 6. Собака ниоткуда	34
Глава 7. Проект	39
Глава 8. Ожидание	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Моника Кристенсен Экспедиция

© Паулсен, 2018

© Monica Kristensen and Forlaget Press, Oslo 2014

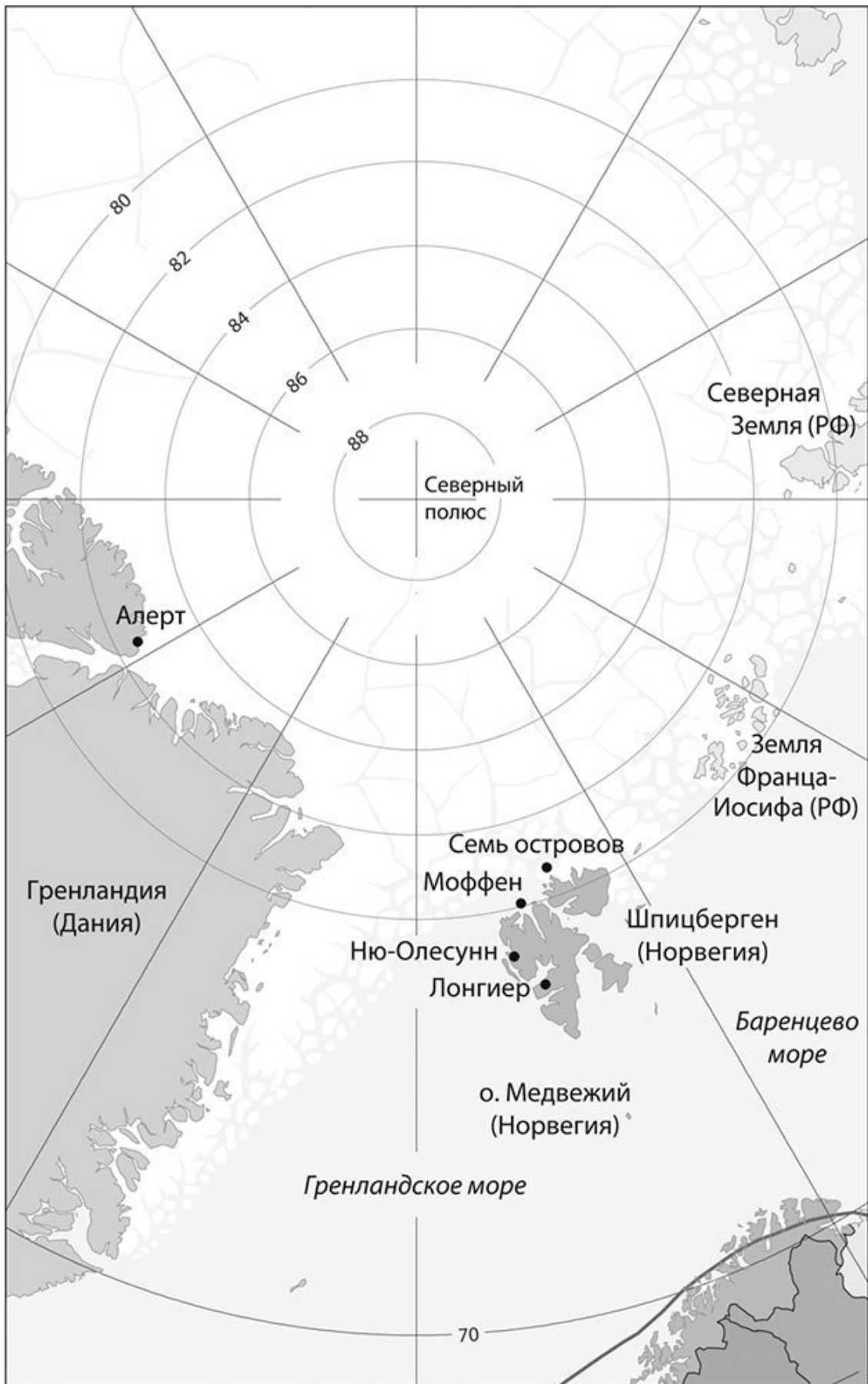
Published by agreement with Copenhagen

Literary Agency ApS, Copenhagen

* * *

*Сердце впускает отвагу и дерзость безмерную. Но страхом объята
душа.*

Роберт Фрост. «Маска милосердия»

Пролог. Медведь

В глубинах самого одинокого из всех океанов, в недрах самой суровой, самой мрачной зимы теплится жизнь.

У него свой особый маршрут – он продвигается между торосами высотой с башню. И где-то раздаётся приглушённый всплеск полыни. Тень скользит по снегу. Тяжеловесный и опасный, он терпеливо выслеживает свою очередную жертву.

Белый медведь, с жёлтым мехом, весь в рубцах и шрамах, старый самец, на самом пике тёмной полярной ночи забрёл далеко на север. Нынешней весной морской лёд начал таять непривычно рано, оторвавшись от Квитойа¹, необитаемого пятнышка к северо-востоку от Шпицбергена². Белый медведь всё лето напролёт бродит вдоль побережья и не может ничего найти, кроме птичьих яиц и морских водорослей, чтобы насытить своё мощное и тяжёлое тело.

Когда наступает зима, медведь снова устремляется к северу. Теперь он кочует по морскому льду только с одной-единственной целью – раздобыть какой-нибудь прокорм. В кои-то веки ему неожиданно повезло. Он увидел следы – они появлялись то там, то сям и исчезали в снегу. Медведь долго и терпеливо шёл по ним. Наконец-то он нашёл нужное, разворошил снег и обнаружил экскременты, замороженные, но вполне съедобные. Время от времени он приседал, чтобы набраться сил, но упорно брёл вдоль обнаруженных следов. Он опустил голову, защищаясь от порывов встречного ветра, преодолевая милю за милей, с трудом передвигая лапы.

В снегопад, в лютый мороз и в зимнюю тьму. И так всё дальше и дальше на север.

Самый студёный месяц в году на Северном Ледовитом океане – март, когда начинает возвращаться свет. Снег хрустит от холода. От открытой воды серыми облаками медленно поднимается пар. В ясные ночи высоко надо льдом светят луна и звёзды.

А северное сияние переливается в небесах.

Медведь постоянно теряет в весе. Кожа под животом висит и раскачивается от каждого шага. Голод вгрызается в пустой желудок как живая крыса. Проходят недели, и приближается весна. Далеко на горизонте зажигается свет, он с каждым днём поднимается всё выше в небеса.

И вот в один прекрасный день они появляются в поле зрения – палатки, ящики, люди и собаки. Белый медведь останавливается. Он долго стоит, прижав лапы друг к другу и настороженно подняв голову. Наконец он отползает за торос и замирает в ожидании.

¹ Остров Квитойа (Белый остров) – часть территории Северо-Восточного заповедника Шпицбергена, почти полностью покрыт льдом. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² Шпицберген (или Свальбард) – обширный полярный архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане, между 76°26' и 80°50' северной широты и 10° и 32° восточной долготы. Самая северная часть Норвегии. Административный центр – город Лонгьер (Лонгйир).

Глава 1. 87-й градус северной широты

На 87-м градусе северной широты ледяное покрывало раскинуто во всех направлениях, насколько видит глаз, вплоть до самого горизонта, там, где лёд исчезает в полоске света. Полыньи и торосы рисуют узкие, сине-чёрные линии – получаются затейливые узоры. Над ними висят низкие облака как ковры из светло-серой шерсти. Между этими двумя бесконечностями – небом и морем – летит вертолёт, жужжащая чёрная металлическая машина, удерживаемая на высоте тяжеловесным вихляющим мотором.

На борту четверо мужчин – два пилота, механик авиакомпании «Эйрлифт» и полицейский из администрации губернатора в Лонгиере.

В пассажирском салоне, где сидят полицейский Кнут Фьель и механик, очень жарко. Переговоры по селектору прекратились. Воцаряется мирная, почти идиллическая атмосфера. Кнут проваливается в полудремотное состояние, его голова покачивается в такт движению вертолётки. Ему даже не хочется утруждать себя тем, чтобы подсчитать – сколько времени прошло с тех пор, как они вылетели из аэропорта. Он просто расслабился и сонно размышляет на случайные, приходящие в голову темы, то и дело засыпая и просыпаясь.

Вертолёт приземлился ближе к немецкому научно-исследовательскому судну «Поларштерн»³ севернее Фрамстредет⁴, чтобы заполнить топливные баки, но посадка оказалась слишком короткой – экипажу не хватило времени даже выпить чашку кофе с командой корабля. Через несколько минут после того, как «Поларштерн» исчез из виду, по правому борту показался остров Датский⁵.

Вскоре после этого они уже могли разглядеть крошечный остров Моффен, известный тем, что тут собирались последние огромные стада моржей на Шпицбергене. Впрочем, сегодня их не было видно. Под ними вообще ничего не было видно, кроме сплошного льда.

Вертолёт направлялся к последней обозначенной стоянке палаточного лагеря одной из норвежских экспедиций на Северный полюс – это была маленькая точка в белой ледяной пустыне. К ним по ступил экстренный вызов со спутникового телефона – экспедиции потребовалась помощь. Вообще-то, с позиции губернатора, полёты далеко за пределы Шпицбергена считались слишком дорогостоящими, выходящими за рамки бюджета, но сообщение о вторжении агрессивного белого медведя на территорию лагеря нельзя было оставлять без внимания.

Обычно, когда присутствие белого медведя становится угрожающим, полицейский и служащий экологического департамента администрации губернатора приезжают на место, чтобы оценить ситуацию. Но на сей раз эколог только-только приехал на Шпицберген, а из всех офицеров полиции самым опытным считался Кнут. И по всему выходило, что ему придётся действовать в одиночку.

– Воспринимай это как счастливый шанс продвинуться на север намного дальше, чем обычно, – сказал начальник полиции Том Андреассен, который подвёз Кнута к вертолётному ангару. – Собственно говоря, тебе нужно лишь отпугнуть медведя. Наша обычная задача.

Кнут ничего ему не ответил. Эти слова он уже слышал раньше, и много раз.

³ «Поларштерн» («Полярная звезда») – немецкое научно-исследовательское судно, ледокол Института полярных и морских исследований имени Альфреда Вегенера в Бремерхафене.

⁴ Район Фрамстредет находится между архипелагом Шпицберген и Гренландией, между 77 и 81 с. ш.

⁵ Датский – один из островов архипелага Шпицберген, расположенный к северо-западу от Западного Шпицбергена, около фьорда Магдалена.

Команду спасателей больше всего тревожило то, что экспедиция, указывая координаты своего месторасположения, могла ошибиться. А искать крошечные палатки в этой ледовой пустыне без конца и края – всё равно что искать иголку в стоге сена.

Кнут считал, что, по крайней мере, есть смысл ориентироваться на то самое место, откуда доносился сигнал. Хотя никакой уверенности в том, что им будет сопутствовать удача, нет. Морской лёд находится в постоянном движении. Льдина, на которой располагалась экспедиция, могла и сместиться на много километров в течение прошедших после вызова суток.

За долгое время поисков мимо них скользили льды – и никакого следа от экспедиции. Никто из них, тех, кто находился на борту вертолётa, ничего не сказал, хотя всех тревожило одно и то же обстоятельство. Топлива в вертолётe хватило бы не более чем на несколько коротких раундов разведки. Ясно, что им следовало поворачивать назад. Последнее, что пытался сделать командир экипажа, это совершить ещё пару-тройку кругов над обозначенной позицией. Все сидели как вкопанные и напряжённо разглядывали торосы и полыньи, тени и узоры. В последнем из них зоркие глаза механика сквозь отверстие в облаках разглядели палатку.

Лагерь представлял собой жалкое зрелище. Уже с высоты нескольких сотен метров Кнуту удалось понять, что ситуация там, на льдине, сложилась критическая. Одна из палаток стояла вертикально, другая завалилась набок. Ткань трепетала на ветру, словно ветошь. Самых полярников не было видно.

Они, вероятно, все вместе находились в той палатке, которая пока ещё устояла под напором ветра. Её конус едва угадывался за высоким торосом.

Кнут наклонился вперёд и всматривался вдаль, но смог разглядеть только одни из двух саней, с которыми экспедиция начинала свой маршрут. Чуть поодаль лежали собаки, в упряжке, вытянувшейся по льду. Они не двигались, лежали как тёмные комки на снегу и не обнаруживали никаких признаков жизни. Собаки всегда бурно реагируют на грохот мотора – вскакивают и бегут с громким лаем.

Кнут взял бинокль, его взгляд скользил взад и вперёд по местности. Обычно разглядеть белых медведей с высоты не так уж и сложно. Огромные звери имеют пожелтевший окрас, который резко контрастирует с ослепительно белым снегом. Видимость была хорошая, хотя облака висели низко. Можно было бы разглядеть даже следы зверя. Но никаких медведей или их характерных следов не наблюдалось.

Командир экипажа сообщил по радио на Шпицберген: они обнаружили местонахождение экспедиции и совершают облёт лагеря в последний раз – с целью найти подходящее место для посадки.

Он посадил вертолёт на некотором расстоянии от палатки – очень бережно и осторожно, так, словно боялся разбить яйца в корзинке. Первым из вертолётa вышел механик, он закрыл за собой дверь в пассажирскую кабину, осторожно сделал круг по льду и присмотрелся к полыньям и трещинам. Только через несколько минут он дал сигнал пилотам, что место для посадки выглядит надёжно. Мотор постепенно сбрасывал скорость и в конце концов полностью заглох. Теперь можно спокойно спускаться на льдину.

Кнут выполз из пассажирской кабины, немного размялся и огляделся вокруг. После шума вертолётa тишина буквально оглушала. Ледяные равнины и длинные синие тени простирались до самого горизонта. Очень непривычное ощущение – оказаться здесь, на льдине, посреди Северного Ледовитого океана. Он почувствовал себя крошечной точкой. Никаких признаков жизни, никаких движений или звуков. Только ветер, который накидал целый сугроб снега к его ботинкам. Никто из участников экспедиции не вылезает из палаток. Никаких собак, которые отряхиваются от снега так, что звенят цепи упряжки. Лагерь и впрямь казался покинутым.

Кнут сделал несколько шагов. Ветер бил по щекам. Он подтянул молнию на комбинезоне до самого горла, одним махом надел на себя шапку и перчатки. Ему вдруг показалось, что

с экспедицией могло что-то случиться. Чувство было настолько реальным, что он вздрогнул, когда к нему подошёл командир экипажа Тур Бергерюд. Через плечо у него висела винтовка.

– У нас не так много времени, – сказал он.

– Они должны быть где-то здесь. Они не могли бросить лагерь и всё снаряжение.

Кнут направился к конусообразной палатке. Тур Бергерюд последовал за ним. Они оглядывались на каждом шагу. Снег скрипел под ногами. Кнут подумал, что на самом деле по снегу можно вычислить степень холода. Он даже где-то читал, что у холода есть свой запах – он пахнет железом. Но здесь пахло только морем.

Двое мужчин перелезли через высокий торос, который они видели ещё с борта вертолётки, перекатились на другую сторону и приблизились вплотную к палатке. Пока никаких неожиданностей.

К верхушке штанги был прикреплен ободранный норвежский вымпел. Из палатки не доносилось ни звука. Неужели участники экспедиции проявили такое преступное легкомыслие – включили примус, чтобы согреться, и отравились угарным газом? Неужели они наткнулись на четыре замёрзших трупа, лежащих в полумраке в глубине палатки? Кнут задержал дыхание и дернул за верёвку, которая закрывала вход в палатку.

Все четыре участника экспедиции спали. Они лежали бок о бок, как анчоусы в консервной банке, ногами или головами в сторону выхода. Затхлый дух плоти и кислый запах дыма ударили Кнута в нос, когда он просунул голову внутрь.

Ещё какое-то мгновение ничего не происходило, а затем в спальных мешках началось медленное шевеление. Неопрятное бородатое лицо торчало из ближайшего спального мешка. Опухшие глаза медленно моргнули и посмотрели на вход в палатку.

Внутри палатки было почти так же холодно, как снаружи. Слой плотной хлопчатобумажной ткани, обдуваемый ветром, придавал обстановке некоторый уют. Влажное дыхание людей оседало в виде инея на красной брезентовой ткани. Пространство было ограничено – возможно, два с половиной на два с половиной метра. Пол покрыт плотным зелёным пластиком, который лежал прямо на льду без какой-либо изоляции. Палатка крепилась на основную штангу и четыре штанги по углам. На потолке между штангами натянули сеть, и на ней сохли варежки. На полу лежали рюкзаки и одежда. Посреди спальных мешков стояла низкая алюминиевая подставка с примусом.

Кнут продвинулся дальше, сбросил с себя ботинки. Нога его запуталась в ткани палатки, он немного замешкался. В конце концов ему удалось полностью войти внутрь. Ближайший из мужчин подтянул под себя ноги.

– Я от губернатора, – сказал он и почувствовал себя немного неловко.

Наверняка этого можно было и не говорить. Ведь всем было ясно, кто он и откуда.

Один из участников экспедиции сел и прислонился спиной к задней стене палатки, он заморгал от яркого света – глаза у него были сонные. Кнут узнал Мадса Фрииса. Из другого спального мешка выплыло знакомое лицо – это был начальник экспедиции Карстен Хауге собственной персоной. Взъерошенная светлая шевелюра и борода, узкое лицо. Усмешка, которая так эффектно выглядела на фотографиях. Он поднял руки в воздухе и зевнул, извлёк откуда-то свитер грубой вязки, который надел через голову.

– Ничего себе ночка выдалась, – сказал он. – Может быть, потому мы и не услышали шум вертолётки?

Он извинился, что они оказались не готовы к визиту.

Узнать полярников можно было с большим трудом. За тот короткий промежуток времени, который миновал с тех пор, как они покинули Шпицберген, их внешний вид сильно изменился – мороз и дым обветрили их лица, глаза опухли и покраснели. Все они выглядели немного растерянными. Неужели они забыли, что они встречались с Кнутом раньше – и не раз?

Кнут старался занять как можно меньше места и ступать очень осторожно, но всё-таки задел одного из тех, кто лежал в спальном мешке. Терье Кремер, самый юный из участников экспедиции, подскочил. Он немного отпрянул назад и выглядел раздражённым. Кнут пробормотал извинения. Палатка казалась очень тесной – прямо-таки до ощущения клаустрофобии, здесь было наполовину темно и довольно холодно. Когда Карстен Хауге включил примус, стало немного лучше. Лица участников экспедиции потеплели, на них появились улыбки.

Четвёртый участник экспедиции ещё не выполз из спального мешка. Наверняка это был Свейн Ларсен, каюр. Он лежал в палатке позади Мадса Фрииса, положив руку под голову. Его глаза были открыты, но улыбка казалась неестественной. Он почти не реагировал ни на беседу, ни на что другое. Кнут вопросительно взглянул на Карстена Хауге, и тот попытался объяснить:

– Думаю, у него ничего страшного нет, просто простуда. Я дал ему аспирин – некоторое время назад. Скорее всего, он просто переутомился.

Но Свейн Ларсен всё-таки выглядел больным, могло даже показаться, что он в обморочном состоянии. Кнут продвинулся в глубь палатки, стараясь не задеть примус. Он хотел сам проверить, как себя чувствует Свейн Ларсен.

Мадс Фриис неохотно подвинулся, и Кнут склонился над Свейном. Он расстегнул спальный мешок и откинул край, чтобы проверить – в каком состоянии находится пациент. Он не обнаружил ни единой травмы, никакого кровотечения. Кстати, Свейн Ларсен вовсе не производил впечатление простуженного. Насколько Кнут мог судить, лихорадки у него не было. Напротив, скорее всего, он перегрелся – он лежал в спальном мешке, укутанный в шерстяные одежды. Единственное, на что он обратил внимание, так это на неприятный запах изо рта. Его тошнило? Его рвало?

– Может, он ударился головой? Может, у него сотрясение мозга? – допытывался он.

Три участника экспедиции ничего не ответили, они напряжённо молчали. В полумраке палатки светились и вспыхивали их глаза.

«Они чем-то напоминают трёх лисиц, которые прячутся в норе, – подумал Кнут. – Подозрительные, настороженные».

Он переполз через спальный мешок и направился к выходу из палатки.

– Может быть, нам стоило бы эвакуировать экспедицию? – спросил он.

Казалось, он хотел как-то определить круг своих задач.

– У нас в вертолёте есть носилки, и мы сможем перенести Свейна Ларсена в салон. Остальным придётся немного подождать. Но я обязан соблюдать некоторые формальности. Во-первых, мне нужно сделать несколько снимков. А во-вторых, я предлагаю вам выбрать и упаковать снаряжение, которое вы хотели бы взять с собой.

Он не стал объяснять им, что этим, так называемым формальностям будет дана жёсткая оценка в администрации губернатора – ведь экспедиция вела себя и действовала крайне безответственно.

Участники экспедиции переглянулись. У Кнута возникло ощущение, что они заранее отрепетировали свои ответы. Начальник экспедиции Карстен сказал за всех троих:

– Мы понимаем, что Свейн не сможет идти дальше. У нас есть и другие проблемы. Но мы не намерены прерывать экспедицию. Мы хотели бы продолжить наш путь на север.

Кнут вглядывался в упрямые лица, на которых не могли не сказаться тяготы последних недель – холод, напряжение, недомогания. Он попытался сохранить привычный спокойный тон.

– Свейн Ларсен слишком болен, чтобы продолжить путь. Его нужно как можно скорее доставить к врачу. Я возьму его с собой в Лонгиер. Но вам придётся рассказать мне всё – от начала и до конца. Что случилось с собаками? А белый медведь – он-то куда подевался?

Днем раньше, сразу же после того, как они свернули лагерь, упаковали всё снаряжение и отправились в очередной маршрут, одна из упряжек с собаками наткнулась на полынью и провалилась под тонкий лёд. У собак не было ни единого шанса. Они оказались в ледяных тисках океана. Пока они барахтались, пытаясь выбраться на лёд, в воду провалились сани. Свейн Ларсен, который вёл упряжку, прыгнул, даже не задумываясь о собственной безопасности. Все пытались помочь ему, и вместе им удалось наконец отстегнуть карабиновый крюк между собаками и упряжкой. Сани исчезли в водных глубинах и утянули с собой на дно изрядную долю продуктов питания и снаряжения.

Только благодаря невыносимым усилиям им удалось вызволить собачью упряжку из ледяной морской воды. Они привязали собак вдоль цепи. Они яростно отряхивались и лаяли на цепь. В конце концов они, кажется, успокоились.

Свейн выглядел совершенно измождённым, он насквозь промок и продрог. Он так замёрз, что не мог даже говорить. Они развернули одну из палаток, сняли с него мокрую одежду и переодели его в сухое шерстяное бельё. Уложили его в спальный мешок и по очереди дежурили рядом с ним.

Они включили примус, решив накормить его горячим супом. Но и спустя несколько часов Свейн так и не оправился, и они поняли, что не смогут в этот день продолжить свой путь на север. Они смирились и развернули вторую палатку. Карстен отправился покормить собак. Именно тогда они и обнаружили, что с собаками что-то случилось. Одни стояли, их рвало прямо на снег, другие лежали на боку и даже не подняли голову, когда он тормошил их.

Конечно, ими овладело беспредельное отчаяние. Им почти не удалось продвинуться ни на метр – они застряли на предыдущей позиции. А если подсчитывать расстояние с учетом дрейфующих льдин, то на самом деле они переместились в обратном направлении.

Но горячий суп взбодрил их, они начали приходить в себя, и ситуация казалась им не столь безнадежной. Возможно, им ещё повезёт. Хотя нельзя было сбрасывать со счетов и неудачи, и отступления. Хочешь не хочешь, а с некоторыми проблемами приходится считаться. Карстен рассматривал и просчитывал разные варианты. Они находились почти в трёхстах километрах от Северного полюса, и это в самом начале апреля. Это означало, что у них есть, по крайней мере, четырнадцать дней, чтобы достичь полюса в предусмотренное по контракту время, а оттуда их заберут на вертолёт.

С этими оптимистическими планами и прогнозами они заползали в спальные мешки, по двое мужчин в каждой палатке. Они должны были дежурить по очереди, всю ночь напролёт, на каждого приходилось по два часа. Нужно было следить за Свейном – чтобы он спал и не делал никаких резких движений и чтобы во сне он не опрокинул примус. Примус они не отключали, иначе замёрзли бы.

Терье выпало дежурить первым.

Карстен и Мадс улеглись спать, но уже через час проснулись от шума и винтовочных выстрелов. Из другой палатки Терье крикнул, что к нему и Свейну приближается белый медведь. Они поспешно натянули на себя кое-какую одежду и схватили винтовку – у них она была одна и стояла наготове у спального мешка Карстена. Снаружи было так темно, что разглядеть что-либо, кроме теней, не представлялось возможным. Обходя палатку, где спали Терье и Свейн, они обнаружили, что в нескольких местах она разодрана. Снова и снова они ходили взад-вперёд вокруг лагеря. Карстен едва не застрелил Терье, когда тот чересчур поспешно и с шумом свалился с сугроба.

Ситуация осложнялась. Вокруг лагеря гуляет огромный белый медведь, который может ринуться в атаку в любой момент. Один из участников экспедиции заболел. Собаки находятся в жалком состоянии. Именно теперь было очень важно принять единственно правильное решение. Можно ли продолжить экспедицию? Смогут ли они достичь Северного полюса, несмотря на всё, что случилось – с тем снаряжением и провиантом, которые на данный момент находи-

лись в их распоряжении? Карстен гордился тем, что ни один из них не предложил прервать экспедицию. Они решили сообщить о своих проблемах губернатору. Но разве случилось что-то такое, что обязывало их обратиться за разрешением для продолжения экспедиции?

На самом деле ведь они не просили о помощи. Нет, конечно, они по-прежнему очень признательны – за то, что Свейн получил возможность попасть к врачу в Лонгиер. Ни в какой другой помощи они не нуждались.

Кнут покачал головой, ему не хватало детальной информации, чтобы принять решение. Из вертолётa он, конечно, не смог разглядеть белого медведя и его следы вокруг лагеря. А всё, что случилось с собаками, казалось попросту необъяснимым. Местные собаки, как правило, не погибают от того, что попадают в полынью, даже при температуре минус двадцать градусов.

– Вы что же, считаете, что можете вызывать службу губернатора как такси? – спросил он, надеясь спровоцировать своих собеседников выдать побольше информации. – А ведь это может оказаться довольно дорогостоящей акцией – запросить помощь в Северном Ледовитом океане без достаточных на то оснований.

Как и следовало ожидать, Карстен Хауге был раздражён:

– На нас напал белый медведь. Разве этого недостаточно, чтобы попросить о помощи?

– Свейн Ларсен не травмирован, во всяком случае на нём нет следов медвежьих когтей. Поверьте, это выглядело бы немного иначе. Едва ли он остался бы в живых, если бы на него, спящего, напал белый медведь.

Кнут старался говорить спокойно.

– А что случилось с собаками?

– Да ведь они соскользнули в полынью! Но по какой причине они заболели, мы не знаем. Мы можем только констатировать то, что произошло.

Карстен немного успокоился, но по-прежнему не мог скрыть раздражения:

– Ты что, не веришь нам?

– Покажи ему палатку, – сказал Терье Кремер.

Кнут не собирался дискутировать с ними.

Он пробормотал что-то о необходимости связаться с офисом в Лонгиере и выбрался из палатки. Снаружи он распрямился в полный рост и вдохнул несколько глотков чистого ледяного полярного воздуха.

А Тур Бергерюд дежурил в ожидании белого медведя снаружи палатки. Он замёрз и переминался с ноги на ногу, чтобы согреться. Рядом с вертолётom на льдине находились механик и штурман. За то короткое время, пока Кнут общался с участниками экспедиции в палатке, начало темнеть. Жёлтый дневной свет стремительно опускался в море у горизонта. Времени на решительные действия почти не оставалось.

– Ты сможешь вызвать радио Шпицбергена и попросить соединить тебя с администрацией губернатора? – спросил Кнут.

Тур Бергерюд выглядел озабоченным.

– У нас нет времени на всё это, – ответил он, кивая на палатку.

Он наверняка слышал всё, что было сказано.

– Им следует поторопиться, иначе нам придётся уехать без них.

Глава 2. Просто собака

Кнут нетерпеливо шагал взад-вперёд по льдине – перед вертолётom. У него не было никакого серьёзного повода для тревоги, но его раздражали все задержки и проволоочки. Экипаж «Поларштерна», которому пришлось поздно вечером принять вертолёт для дозаправки, вынужденно поменял свои планы. Для себя Кнут уже всё решил. Участникам придётся отменить экспедицию. А ему следует поговорить с начальником полиции. Он понимал, что решение отменить экспедицию вызовет неоднозначную реакцию в администрации губернатора, и ему не хотелось одному брать на себя всю ответственность.

Командир экипажа попытался вызвать на связь Тома Андреассена через радио Шпицбергена, но безуспешно.

– Он отправился в Сассендален⁶ вместе с новым сотрудником из экологического департамента. А там нет вышек мобильной связи, – заявили ему в офисе.

– Могу я поговорить с губернатором Харейде?

Тур Бергерюд высунулся из открытой двери вертолётa.

Казалось, что внутри холоднее, чем снаружи. В синей темноте вокруг лагеря ледовые картины напоминали какой-то внеземной пейзаж. Солнечный диск уже давно исчез за горизонтом. Жёлтый свет повис как дополнение к пейзажу, но казался скорее декорацией, чем реальностью.

Кнут колебался.

– Подождите немного. Я должен кое-что сделать.

Ему, конечно, претила эта не слишком приятная часть работы, но всё-таки следовало составить подробный список всех проблем, чтобы обсудить их с губернатором.

– Пойду навестить собак. Попытаюсь, пока я нахожусь здесь, убедить участников экспедиции, что им следует позаботиться о собственном благе.

Он прошёл к люку вертолётa, чтобы забрать винтовки и боеприпасы.

– Чёрт возьми, Кнут, – сказал Тур. – Чем я могу тебе помочь?

У него был грустный взгляд, но он тоже понимал, что нельзя продолжать поход с больными собаками.

Кнут ничего не ответил. Он повернулся и пошёл, тяжело ступая по льду. Для начала он решил сложить развалившуюся палатку. В темноте рваная ткань болталась, каталась взад и вперёд, билась об лёд и издавала зловещие звуки. Кнут считал, что он не слишком пуглив, но вынужден был признать, что очень внимательно оглядывался по сторонам: тени на торосах, какие-то движения. Но белых медведей не видно, только снег, который кружится в воздухе и ложится поверх льда.

Кнут развернул ткань, а потом свернул палатку в чехол, который держал под мышкой. Затем он направился к тёмным теням на льду. Большинство собак уже замёрзло насмерть и окоченело, но три из них ещё дышали. Они по-прежнему излучали тепло, и его руки стали влажными, когда он снял с себя перчатки.

Кнут едва справился со своим гневом. Что это за мужчины – они даже не пошевелили пальцем, чтобы помочь умирающим животным! Было и ещё кое-что, не укладывающееся у него в голове. Полярные ездовые собаки – редчайшая каста четвероногих. Даже если они провалились в ледяную воду, невероятно, что они так тяжело занемогли и многие из них умерли всего через несколько часов. Кнут не мог в это поверить. Наверняка произошло что-то ещё.

Первая собака в упряжке, по всем признакам, умерла только что и поэтому ещё не успела окоченеть. Кнут открыл ей пасть и заглянул внутрь, погладил её вдоль туловища и потрогал лапы. Никаких ран, во всяком случае ничего, что бросалось бы в глаза. Вроде бы на шерсти нет

⁶ Сассендален – долина на Шпицбергене. Её пересекает река Сассенэлва.

никаких следов от когтей белого медведя. За собакой красовалась лужа блевотины, не видная на расстоянии, так как ветер заметал её снегом. Кнут подошёл ближе и наклонился. Остатки еды, коричневатая желчь, что-то тёмное, похожее на кровь.

Следующая собака, сука, была мертва уже несколько часов, так, во всяком случае, это выглядело. Кнут приблизился к ней. Собака лежала на боку, как будто спала, у неё был белый с золотым окрас, глаза закрыты. Длинноногая, стройная, прекрасная собака, предназначенная скорее для ездовых задач, чем для тяжёлых нагрузок. Изучить её более тщательно не представлялось возможным – она полностью замёрзла. Кнут оставил её лежать, как она лежала. Скоро она сольётся со снегом и обретёт вечный покой на просторах Северного Ледовитого океана.

Кнут выпрямился и посмотрел на упряжку – ему оставалось обследовать ещё восемь собак. Он видел, что три из них ещё двигались. И стиснул зубы. Первая собака, к которой он подошёл, кажется, ещё была жива, но её явно мучили сильные боли. Крупный кобель, породистый, тёмно-коричневого окраса. Он едва смог поднять голову, но напрягся и поморщился, когда Кнут дотронулся до живота и боков. Из пасти лились кровь и слизь. Кнут зарядил автомат, он не мог этого больше видеть. К счастью, собака не поняла, что должно случиться. У неё были тусклые и пустые глаза.

Следующие две собаки погибли, а одна выжила. Это тоже была большая собака, но она настолько ослабла, что не могла даже поднять голову. Язык свисал у неё из пасти, и дыхание казалось напряжённым и хриплым. Выстрелы эхом прокатились по льду, два раза подряд, друг за другом.

Кнут прошёл дальше – мимо четырёх замёрзших трупов. Обследовал их. Та же история, что и с другими. Никаких видимых признаков укусов и травм, только рвота и кровь. Напоследок он подошёл к последней собаке в упряжке – это был огромный рыжий кобель. Он был жив, но дышал с трудом. Кнут присел на корточки и взглянул на него. Он вроде бы выглядел бодрее всех остальных, и глаза блестели ясно и ярко. Он изо всех сил попытался встать, откинул голову, туловищем распластался по льду. С трудом, но всё-таки поднялся на дрожащие ноги. Закачался, но не упал.

И эту собаку рвало – недалеко от неё, в метре или около того, видна была лужа. Кнут подошёл поближе и обследовал её. Не похоже, что это была рвота с кровью.

Когда Кнут вернулся к собаке, она ещё держалась на ногах. Конечно, это был вопрос времени, сколько она ещё протянет. Но Кнут почти ничем не мог ей помочь. Он отложил винтовку и немного подвинул собаку. Двух предыдущих он застрелил через лопатку прямо в сердце. Затем повторил – контрольный выстрел в шею. Не потому, что собаки могли бы пережить первый выстрел, просто он хотел поскорее прекратить их страдания.

Большая собака смотрела на него. Глаза у неё были тёмно-карие, но ясные. Кнут развернул её слегка, чтобы сразу попасть в лопатку. Собака склонила голову и лизнула ему ботинок.

У вертолёта штурман и механик деловито готовились к вылету. Они открыли люки, грузили снаряжение и устраивали места для большего количества пассажиров, чем они обычно берут на борт в Лонгиере. Часть пассажирского салона была переоборудована для эвакуации заболевших и раненых.

Свейн Ларсен лежал на носилках и спал, его укутали в спальный мешок и тёплые шерстяные одежды. Остальные участники экспедиции вышли из палатки и свернули её. Они стояли у саней – маленькая команда храбрых стойких оловянных солдатиков.

Кнут не взглянул на них, он сразу подошёл к Туру Бергерюду.

Командир экипажа грустно покачал головой. Да, конечно, у них есть кое-какие проблемы, с этим не поспоришь. Руководитель экспедиции Карстен Хауге решительно заявил, что они не собираются возвращаться в Лонгиер. Они намерены продолжить свой путь – на Северный полюс, без собак, взяв только одни сани и минимальное количество снаряжения. Губерна-

тор не имеет права вынуждать их прервать свой маршрут. Ведь они оплатили свои страховки. Они не совершили ничего наказуемого, за исключением того, что проявили халатность. Это просто неблагоприятное стечение обстоятельств. Особенно для Свейна Ларсена, который не достигнет Северного полюса, и, кроме того, он потерял всех собак. После всего пережитого ему, вероятно, придётся долго приходить в себя от шока.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы отказаться от своих планов, если ты заболел, – сказал Карстен Хауге.

Кнут пожал плечами, он, конечно, не мог заставить людей лететь. Но их палатки уже свернуты, и у них нет никакого другого выхода – только пройти в вертолёт. Холод и ветер загонят их туда. Обо всём остальном он поговорит с командиром вертолёта.

Тур задумался, когда услышал предложение инспектора губернатора.

– А ты уверен в этом, Кнут? Твой ход мыслей мне понятен, но...

– Я уверен.

– А что, если одна из собак заразила остальных?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что одна из них заболела до того, как их приобрели для экспедиции. Например, бешенством.

– На бешенство это не похоже, у бешенства другие симптомы. Животные становятся агрессивными. Они нападают, кусают, и у них выделяется пена изо рта.

– Да, но участники экспедиции утверждают, что собаки стали агрессивны. Ведь одна из собак накинулась на них в палатке?

Тур ткнул ногой в снег и пожал плечами.

– Какая-то странная история, честно говоря... Они отправили экстренный вызов и сообщили, что им угрожает белый медведь... А на самом деле их просто укусила одна из собак.

Он задумался.

– Хотя бешенство, конечно, очень опасно.

Кнут покачал головой:

– Я не верю, что все собаки разом подхватили какую-то инфекцию... У меня такое впечатление, что их отравили.

По правде говоря, он чувствовал себя не слишком уверенно и поэтому не настаивал на своей точке зрения. Постоял и посмотрел на лёд, интересно, а вдруг у него действительно появится шанс отправить рыжую собаку обратно в Лонгиер? Не безответственно ли это с его стороны – заставить Тура взять её с собой? Но, с другой стороны, она настолько слаба, что, вероятно, будет вести себя довольно спокойно. Если она вообще переживёт поездку. Нет, Кнут не верит в бешенство.

– Может, попробуем связаться с губернатором Харейде? Пусть он сам принимает решение.

Кнут забрался в кресло штурмана, он не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться панелью приборов. Он с юности мечтал получить лицензию пилота. Но ему уже исполнилось тридцать восемь лет, и, вероятно, он слишком стар для таких увлечений. Ведь это очень дорогое хобби. Нечего и мечтать об этом – с его скромной зарплатой полицейского, служащего в администрации губернатора.

Тур протянул ему шлем штурмана – связь с радио Шпицбергена была установлена. Оператору удалось застать губернатора, прежде чем тот покинул офис. Как и следовало ожидать, Харейде был настроен очень скептически. Несколько минут он молчал.

– Я действительно не знаю, что сказать. Начальник полиции уехал, он в инспекционной поездке. У меня нет возможности с ним посоветоваться. Ты наверняка потому и связался со мной?

– Да-да. Но что нам делать с экспедицией? Они отказываются подчиниться.

– Если мы будем объяснять наше решение тем, что они слишком плохо оснащены, то в прессе поднимется шум. Нас раскритикуют за такой произвол. Сидя здесь, в офисе, мне очень трудно судить о ситуации, чтобы давать тебе инструкции. Как ты думаешь, что у них там случилось? Они действительно потеряли так много снаряжения, что теперь опасно двигаться дальше?

– Я ничего не могу сказать наверняка. Я ведь не эксперт по экспедициям на Северный полюс.

На несколько секунд оба замолчали.

– Мы не можем позволить средствам массовой информации обвинить нас в безответственности. Их, конечно, следует отправить обратно в Лонгьер. Используй методы, которые ты сам считаешь уместными. Угрожай штрафами, убеждай... Не обещай им ничего такого, что обязывало бы нас в дальнейшем им содействовать. Наш бюджет для использования вертолётов строго лимитирован.

Кнут вздохнул. Именно этого ответа он и боялся. Всё-таки ему самому придётся принимать решение.

– А как насчёт собаки? Я должен взять её с собой, чтобы обследовать. Здесь явно что-то не так.

Насчёт собаки Харейде высказался весьма недвусмысленно:

– Я бы пристрелил собаку. И никаких шуток, ведь, в конце концов, это просто собака. Может, они сами убили своих собак, и пусть это останется на их совести. Ведь они сами их покупали? Значит, собаки – их собственность.

Кнут отстегнул шлем штурмана и спрыгнул на лёд.

Было так темно, что он едва мог разглядеть трёх участников экспедиции около саней. Какого чёрта ему нужно сделать, чтобы переубедить их? Пока он добирался до них, его осенила идея.

Карстен Хауге с досадой пинал лёд.

Начальник экспедиции замёрз и был раздражён.

– Но ведь для Свейна это настоящее испытание – несколько часов лежать на борту вертолёта, в таком холоде, в таком тяжёлом состоянии. Вы не собираетесь улететь?

«На самом деле, это не вопрос, а угроза», – подумал Кнут. Если со Свейном Ларсеном что-то случится, то виноват будет именно он, Кнут.

Хауге посмотрел на полицейского.

– Если тебя интересует, то мы намерены двинуться к северу, как только вы отправитесь в путь. После того как мы свернём лагерь. В любом случае здесь мы не останемся.

– Но вы не можете идти дальше. Разрешение на экспедицию отзывается.

Кнут озвучил решение губернатора Харейде – в более или менее отредактированной версии. Им следует упаковать то снаряжение, которое они хотели бы взять с собой в вертолёт. На всё про всё им отведено полчаса.

После того как Кнут огласил свой ультиматум, винт вертолёта завёлся – нехотя и со скрипом. Штурман и механик наклонились и отстегнули тросы, которые, для надёжности, были прикреплены ко льду.

Но участники экспедиции, разумеется, не собирались сдаваться.

– Самое лучшее, что вы можете сделать, это вернуться обратно со Свейном, – сказал Карстен Хауге и ухмыльнулся.

Мадс Фриис подошёл и на прощание похлопал Кнута по плечу.

– Вы что, не боитесь медведя? – спросил Кнут и взглянул на него. – Иначе для чего вы посылали нам сигнал бедствия? Или вообще никакого белого медведя не было и в помине?

– Конечно, чёрт возьми, это был медведь! Но мы в любом случае не можем отправиться дальше со Свейном. Ты ведь это понимаешь...

– А теперь, когда мы заберём его с собой, вы сможете продолжить свой путь?

На этот раз Мадс улыбнулся.

– Мы должны дойти до Северного полюса, – сказал Мадс. – И через пару-тройку недель мы окажемся там. Это будет первая экспедиция, стартовавшая со Шпицбергена, которая достигнет Северного полюса. Историческое событие.

Кнут откровенно признался: если ему не удастся их переубедить изменить свои планы и вернуться в Лонгиер – то он останется с ними.

– Ты что, спятил? – возмущённо воскликнул Мадс Фриис.

Карстен Хауге криво усмехнулся, а Терье Кремер – он стоял по другую сторону саней – ничего не сказал, только задумчиво взглянул на Кнута.

– Мы не можем взять на себя ответственность за тебя здесь, на льдине. Ты не натренирован, ты не готовился к походу, у тебя нет необходимого опыта. И какие у нас гарантии? Ведь страховки есть только у нас, на тебя они не распространяются. Карстен, скажи что-нибудь!

Мадс не мог скрыть своего раздражения.

– Еще бы, очень неплохой сценарий, – сказал Карстен и холодно взглянул на Кнута. – Конечно, мы не можем тебя взять. У тебя нет необходимого снаряжения. Предположим, ты договоришься с вертолётчиками, чтобы они забрали тебя примерно через день или два. Возможно, ты рассчитываешь, что за это время сможешь переубедить нас. Но мы не позволим тебе оказывать на нас давление. Я не могу запретить тебе остаться здесь. Оставайся, но на свой страх и риск. Ты не получишь от нас никакого снаряжения.

– Я рассчитываю только на собственные силы, – сказал Кнут тихо. – В вертолёте есть аварийное снаряжение.

Он повернулся и направился к вертолёту, который сейчас выглядел как огромная чёрная птица. Посадочные огни были включены, навигационные огни мигали красными и жёлтыми гирляндами. Пилоты уже заняли свои места. Механик стоял у двери в кабину.

– У нас изменились планы, – сказал Кнут.

Он коротко объяснил, какое решение он принял.

Глава 3. Подозрения

Когда по радио Шпицбергена сообщили, что вертолёт скоро приземлится, начальник полиции Том Андреассен взял служебный автомобиль и отправился напрямик в аэропорт. Он вернулся в Лонгиер из Сассендалена всего полчаса назад и не позаботился о том, чтобы снять с себя скутерскую экипировку и тяжёлые ботинки. Совместный скутерский тур с неопытным Пелле Хермансенем, недавно назначенным в экологический департамент, потребовал ровно в два раза больше времени, чем обычно. Он очень устал после долгой поездки и особенно после дискуссии с толпой туристов, которые подошли слишком близко к лисьим капканам на зимовке охотников.

Ранее в тот же день разбушевалась буря, начался сильный снегопад. В Лонгиере снегоочистители расчищали снег, который завалил все дороги, и только по пути к Хотеллесет⁷ ситуация изменилась к лучшему. Самолёты с материка прилетали и улетали обратно в полдень. На следующее утро никаких вылетов не планировалось – ни на материк, ни в Свеа, ни в Нью-Олесунн.

Он ехал в аэропорт в заледенелом автомобиле, включив обогреватель на максимум и подпрыгивая четырёхколёсным приводом по сугробам. Фары выхватывали пространство между дорогой и фьордами, но там ничего не было видно, кроме белого снега и тёмных теней. Жители в основном сидели у себя по домам и занимались разными делами, если, конечно, не оказались в различных барах и пабах. Всё как всегда в конце недели, когда часы приближаются к девяти вечера.

Аэропорт Свальбард – главные воздушные ворота Шпицбергена – построен на низком плоском мысе, к юго-востоку от Куллкая⁸. Это сооружение располагается здесь с самого начала 1970-х годов. Его местоположение выбиралось с таким расчётом, чтобы самолётам не пришлось гонять слалом между высокими вершинами вокруг Лонгиера. За это время взлётно-посадочные полосы многократно расширяли и реконструировали. Теоретически они построены на вечной мерзлоте, но по тем или иным техническим причинам конструкция всё-таки проседала. Поэтому за сообщениями о новых типах гравия и асфальта, которые обеспечивали бы стабильную основу для посадки самых больших самолётов, здесь пристально следили. Несмотря на то что в Лонгиере приземлялся ежедневно только один рейс с материка, аэропорт полностью соответствовал всем требованиям международной классификации и безопасности полётов над Северным полюсом.

Главное здание аэропорта нельзя назвать новым и модным. Больше всего оно напоминает военный ангар. Авиапассажиры имеют право на скромный стандарт обслуживания – в зале прилёта, в зале ожидания и в кафе на втором этаже. Естественно, проекты строительства нового зала прилёта обсуждаются не первый год, но компания «Авинор»⁹ считает, что вряд ли такие расходы окупятся, принимая во внимание ограниченный небесный трафик в этом регионе.

Компания, которая обслуживала вертолётные перевозки, располагалась в нескольких малоэтажных зданиях, построенных на склоне немного ниже взлётно-посадочных полос.

⁷ Хотеллесет – полуостров, расположенный к северо-западу от Лонгиера, в акватории Адвент-фьорда. На полуострове располагается грузовой порт, а также аэропорт Свальбард.

⁸ Район Лонгиера.

⁹ Компания «Авинор» (avinor) занимается обслуживанием и развитием большинства гражданских аэропортов в Норвегии.

С одной стороны крутая алюминиевая лестница вела к парковке, а с другой стороны можно было пройти к ангарам для вертолётов и малой авиации. Над всем сводом раскинулось тёмно-синее полярное небо, которое сейчас наполовину закрыли облака. Где-то за облаками скользила полная луна, бросавшая время от времени резкие холодные белые лучи на лёд и на фьорд.

Том Андреассен припарковал автомобиль прямо у ступеней, которые вели в офис компании «Эйрлифт»¹⁰, стремительно поднялся по лестнице и открыл дверь в ангар. Внутри было темно и тихо, но в окнах галереи горел свет. Начальник полиции, не останавливаясь, прошёл через пустой ангар и вышел на взлётно-посадочную полосу.

Машина «скорой помощи» только направилась от парковки к взлётно-посадочной полосе. Туре Даль, главный врач больницы в Лонгиере, уже приехал своим ходом. Он вышел из своего автомобиля, отряхнулся от снега и пошёл вдоль стены ангара. Он старался сохранять хладнокровие, хотя ему не терпелось узнать – что же случилось на льдине с одним из участников экспедиции? Том не удивился, увидев его. Главный врач специализировался на обморожениях. Сообщения от экспедиции звучали слишком лаконично. То, что случилось со Свейном Ларсеном, не поддавалось никаким объяснениям.

Том подошёл к машине «скорой помощи» и спросил у главного врача – как обстоят дела с пациентом. Туре Даль взглянул на него, внимательно и подозрительно, так, словно размышлял, насколько откровенно он может говорить... с начальником полиции.

– А ты не в курсе? – наконец спросил он.

– Понятия не имею. Меня посылали в Сассендален, когда Кнут связался с офисом. С ним говорил губернатор, но ведь ты знаешь, он новичок.

В Лонгиере все повторяли, что Уле Харейде – новичок. Обычно это произносилось слегка извиняющимся тоном, который так типичен в ситуациях, когда люди не уверены, как долго он будет новичком. На самом деле Харейде находился на Шпицбергене уже много месяцев. Он был высокий и худой. Коротко стриженные волосы песочного цвета, узкий длинный нос. Очень корректный, сдержанный, любезный, но отстранённый и немного безучастный.

Новый губернатор уже успел нанести обязательные визиты – он посетил все населённые пункты и научно-исследовательские станции, совершил вертолётные туры вместе с рождественской почтой к охотникам и рыбакам, которые зимовали в небольших домиках на севере. Как и большинство других губернаторов, он возвращался с горящим взглядом и немного глуповатой, вдохновенной улыбкой, которая выдавала, что он подхватил «бациллу Шпицбергена». Уле Харейде был третьим боссом Тома за не полных десять лет. Начальник полиции тяжело вздохнул. Ему ежедневно напоминали о том, что, возможно, пора бы провести несколько лет в более южных и более тёплых местах.

Туре Даль объяснил, что он пообщался с немецким врачом на «Поларштерне». Когда вертолёт приземлился снова на обратном пути, корабельный врач воспользовался случаем и обследовал пациента. Он так и не смог объяснить, почему его состояние не улучшалось, несмотря на нормальную температуру. Свейн Ларсен ослаб, и у него был кашель с кровью. В любом случае его следовало отправить в больницу.

Кнут Фьель был, вероятно, самым лучшим в администрации губернатора сотрудником, с которым Тому Андреассену доводилось работать. И, возможно, даже самым лучшим полицейским.

¹⁰ «Эйрлифт» (airlift) – компания, обслуживающая парк вертолётов в Норвегии и Скандинавии, наделённая также поисковыми и спасательными функциями.

На Шпицбергене администрация губернатора выполняла ряд таких задач, которые не входили в круг обязанностей полиции на материке. Они выступали и как ленсмены¹¹, и как социальные работники.

На протяжении года каким-то непостижимым образом удалось предотвратить многие преступления. Оказалось, что с людьми иногда достаточно просто побеседовать. И в этом Кнут был просто незаменим.

Несколько лет назад, когда Кнут приехал на Шпицберген, ему казалось, что он приехал на летнюю практику. Первое время его база находилась в Нью-Олесунне, и он отправлялся на инспекции в национальный парк на надувной лодке. Вскоре он познакомился с местными жителями, и ближе всего с обитателями Нью-Олесунна. Публика, конечно, особенная, специфическая, но Кнут гордился – всеми вместе и каждым в отдельности. Словно он сам был местный, шпицбергенский. Через некоторое время он вёл себя и говорил как настоящий островитянин-зимовщик.

Поначалу Том Андреассен не слишком тесно контактировал с ним. Летом львиная доля работы доставалась экологическому департаменту. В самом начале осени у департамента полиции возникла проблема – в Форландете¹² обнаружился труп. Кнута фактически рекрутировали в полицию как детектива, расследующего убийство. Это было характерно для Кнута – он всегда оказывался в нужном месте в нужное время, чтобы поучаствовать в самых сложных случаях, с которыми сталкивались губернатор и его администрация на Шпицбергене.

После того как мистический случай в Форландете распутали, Кнут провёл зиму, продолжая работать в администрации губернатора. Как и многие другие в Лонгиере, он повторял, что собирался остаться здесь на один год. Сейчас он отслужил в администрации губернатора уже пять лет и вроде бы пока никуда не собирался уезжать.

Вертолёт приземлился только после десяти часов вечера. Том Андреассен нетерпеливо шагал взад-вперёд по обледенелой дорожке и наблюдал, как пациента переносили в машину «скорой помощи». Конечно, о том, чтобы допросить его, не могло быть и речи. Но начальнику полиции не терпелось услышать отчет командира экипажа относительно того, что случилось в лагере на льдине.

«Скорая помощь» отправилась в больницу, а вертолёт устремился внутрь ангара. Двое мужчин прошли к галерее, где располагались офис компании «Эйрлифт», небольшая кухня и зал ожидания пассажиров.

Задержки вертолётных рейсов были не редкостью на Шпицбергене. Обычно такое случалось в связи со снегопадами, туманами, грозой, техническими проблемами и другими непредвиденными обстоятельствами. Самая продолжительная задержка рейса, о которой слышал Том Андреассен, заняла одиннадцать дней. Тогда пассажиры настолько измучились, что с удовольствием арендовали бы снегоходы, чтобы добраться до Нью-Олесунна.

Тур Бергерюд не намеревался вести долгие беседы, и по всему было видно, что он очень устал. Он отправился на кухню, заварил растворимый кофе для себя и для Тома, но кофе получился настолько крепким, что Том попросил соевое молоко, которым обычно пренебрегал. Командир экипажа открыл дверь в маленькую комнату за кухней и заглянул в зал ожидания, который погрузился в полумрак. Ему не хотелось, чтобы их беседу мог кто-нибудь подслушать.

«Не чересчур ли он осторожничает?» – подумал Том.

¹¹ Ленсмен – пристав, начальник полиции в сельской местности.

¹² В 1973 году на Земле Принца Карла был создан национальный парк Форландет.

Весь аэропорт погрузился в тишину. Лишь на первом этаже из ангара доносились обрывки фраз, которыми обменивались механик и штурман, пока готовили вертолёт к очередному рейсу.

Пилот обогнул письменный стол и уселся в потёртое шаткое кресло. Если Тур не хотел, то из него невозможно было вытянуть ни единого слова. Начальник полиции терпеливо ждал. Тур Бергерюд – один из ветеранов на Шпицбергене – освоил особенности местной манеры общения. Паузы были столь же многозначительны, как и сказанные слова.

Кнут Фьель откровенно говорил, что Свейна Ларсена, скорее всего, отравили. Поскольку ему не удалось убедить остальных участников экспедиции вернуться на вертолёт в Лонгиер, ему придётся снова лететь на льдину. Так распорядился Уле Харейде, по словам командира экипажа. Он уткнулся взглядом в свою кофейную чашку.

– Он будет наблюдать за ними? – спросил наконец Том Андреассен.

Тур Бергерюд поднял глаза к потолку и слегка наклонился в офисном кресле.

– Не будем это обсуждать. Во-первых, нас могут подслушивать. А во-вторых, я не могу подвергать сомнению правоту губернатора – раз уж он всё решил.

– Ну а сам-то ты как считаешь? Тебя во всей этой истории ничего не настораживает?

Тур был явно смущен, он не знал, что ответить. Ветеран компании «Эйрлифт», опытный, почти незаменимый.

– Нет, не настораживает.

Он запнулся, его лояльность по отношению к Кнуту и честность вступили в противоречие друг с другом.

– Они вели себя немного эксцентрично, но ведь все полярники – чудаки.

Начальник полиции призадумался. Он, конечно, не мог знать, что было на уме у Кнута, но тот обеспечил себе защиту – заранее поговорил с губернатором.

А что, если Кнут не вполне адекватно оценил ситуацию в лагере? Лично у него складывалось впечатление, что участники экспедиции готовы пожертвовать всем, чем угодно, лишь бы добраться до Северного полюса. Вся Норвегия ждала новостей об этом путешествии. И прерванная экспедиция стала бы колоссальным разочарованием для всех, и прежде всего для них самих. Для них это означало бы и финансовые потери, и личное унижение. Исключено, чтобы они саботировали собственную экспедицию. Но Том был далеко не уверен в этом, ведь Кнут, как правило, почти никогда не ошибался.

Начальник полиции никак не мог понять, что заставляет людей встать на лыжи и направиться пешком к Северному полюсу, когда можно просто сидеть и наслаждаться жизнью в своих собственных тёплых домах. Он считал, что великая эпоха великих путешествий закончилась с Руалем Амундсеном¹³. После Амундсена всем следовало бы успокоиться. Собачьи упряжки сменились самолётами, снегоходы справлялись с грузами несравненно лучше, чем люди или собаки.

Тем не менее, туристических экспедиций на Шпицберген с каждым годом становится всё больше. Конечно, обитатели Шпицбергена радуются этому. Туризм здесь играет важную роль. Это серьёзная экономическая поддержка для местных жителей. Ведь невозможно ограничиться горнодобывающей промышленностью и научными исследованиями. Во всяком случае, сейчас, когда охота на моржей и китов канула в Лету.

Каждая из экспедиций – великолепная реклама для скромной туристической индустрии Шпицбергена. В прессе много писали о прекрасной природе и обо всех впечатлениях и эмоциях таких экспедиций.

¹³ Руаль Амундсен (1872–1928) – норвежский полярный путешественник. Первым достиг Южного полюса 14 декабря 1911 года. Погиб в 1928 году во время поисков пропавшей экспедиции Умберто Нобиле.

И этой экспедиции уделили много внимания все, кроме «Шпицбергенской почты» – еженедельной местной газеты. Она не удосужилась отдать много места колонке о туристах, которые предположительно попали в беду.

«Интересно, а газетчики вообще в курсе проблем, с которыми столкнулась эта экспедиция?» – подумал Том. Скорее всего, нет, потому что иначе, когда вертолёт приземлился, в аэропорту обязательно присутствовали бы журналисты. Всем известно, что добрая половина Шпицбергена слушает переговоры по аварийной радиочастоте. И с этим ничего не поделаешь. Все станции на островах снабжены радиооборудованием – Ис-фьорд¹⁴, Нью-Олесунн¹⁵, Свеа¹⁶, полевые исследователи из Норвежского полярного института. Довольно часто радиосвязь помогала. Иногда до них доходили сообщения, которые иначе никак не дошли бы. Но, видимо, в этом случае местные журналисты оказались не в курсе.

Начальник полиции взглянул на часы. Уже одиннадцать. Пора бы отпустить Тура, ему нужен обязательный восьмичасовой отдых, чтобы завтра на вертолёте отправиться навестить экспедицию. Завтра же, вероятно, они получат сведения из больницы о состоянии госпитализированного полярника. Возможно, ему уже станет лучше, и его можно будет допросить. Но независимо от того, что Свейн сможет сообщить, Кнуту пора возвращаться в Лонгиер из экспедиции.

Тур качался в своём офисном кресле и даже не попытался подняться.

– Не думаю, что на этом можно будет поставить точку, – сказал он, выдержав длинную паузу.

Большинство собак, вероятно, погибли ещё до того, как вертолёт приземлился на территории лагеря. Когда Кнут приблизился к ним, они уже замёрзли насмерть. Все, кроме трёх. Их пришлось умертвить. С Туром это было согласовано. Кнут настоял на том, чтобы сделать это самому. Он взял винтовку и подошёл к первой жертве. Выстрел, ещё один выстрел. Вернулся к вертолёту, чтобы продышаться. Он стоял мрачный и расстроенный. Сказал, что взял некоторые биологические образцы, которые ему хотелось бы доставить в администрацию губернатора.

Том растерянно слушал пилота. Начальник экспедиции Карстен Хауге объяснял, что одна из собачьих упряжек угодила в полынью и провалилась под лёд, но десять ездовых собак почти не пострадали от воды. Их мех состоит из мягкого подшерстка и изолирующего покрова волос на воздушной подушке. Собаки дрожали бы и мёрзли, но никогда не замёрзли бы насмерть.

Это звучало просто неправдоподобно. В этом Том был полностью согласен с Кнутом.

Командир экипажа сообщил, что Кнут использовал для проб термос, который обнаружил в хвостовой части вертолёта. Он собрал разный материал – мех, клетки, экскременты двух случайно выбранных собак. Термос и остатки палатки, которую разодрал белый медведь, он передал начальнику полиции. Что тогда случилось на самом деле, пилот не мог сказать наверняка. Он стоял у вертолёта и беседовал с начальником экспедиции. Это была его последняя попытка убедить путешественников вернуться.

Тур Бергерюд наблюдал всё это с некоторого расстояния. Одной из собак удалось приподняться на ноги, она задрожала, когда Кнут подошёл к ней. Собака склонила голову и лизнула ему ботинок. Кнут поднял винтовку, немного подтолкнул собаку. Но так и не выстрелил.

После нескольких неудачных попыток Кнуту удалось отстегнуть собаку от упряжки и, взяв её на руки, он вернулся с ней к вертолёту. Начальника экспедиции этот жест взбесил – он чуть не взорвался от ярости. Неужели губернаторский вертолёт возьмёт с собой на борт

¹⁴ Ис-фьорд – второй по величине фьорд на Шпицбергене.

¹⁵ Нью-Олесунн – населённый пункт на Шпицбергене, самое северное в мире постоянное общественное поселение.

¹⁶ Норвежский вахтовый посёлок.

полудохлую собаку и доставит её в Лонгиер, и при этом оставит дорогостоящее снаряжение экспедиции на льдине? Он – владелец собаки, и он требует, чтобы её застрелили и оставили здесь, как и других.

Кнут побледнел, но сохранил самообладание. Он спросил, где они купили собак. Оказалось, что все собаки были приобретены в одном питомнике, в Лонгиере. Начальник экспедиции не помнил названия, но описал дорогу в питомник «Бейскамп». Потом он заявил, что некоторых собак приобрели в другом питомнике, но и это название вспомнить не мог. Он повторил, что уже упаковал самое дорогостоящее снаряжение и хотел бы погрузить его в вертолёт. А эту больную собаку следует умертвить.

Тур так и не смог объяснить начальнику полиции, что Кнуту пришлось очень туго и что он держался достойно и хладнокровно. Они просто посидели, не сказав ни единого слова. Выпили едва тёплый кофе, поглядели по сторонам. Наконец Том Андреассен поднялся и подошёл к двери. Пилот отправился за ним. Он остановился и взглянул в окно, посмотрел на ангар – там он увидел вертолёт, с моторами по обеим сторонам, напоминавший печальную металлическую птицу.

– Не забудь собаку, – сказал он. – Я видел, что Бьёрнар вытащил её из кабины. Кнут просил, чтобы ты взял её в больницу, там её обследуют.

Он не смог удержаться от улыбки.

– Тебе придётся пока взять её домой, к Нине. Мы не сможем держать её здесь.

Глава 4. Препятствия

Кнут наблюдал за вертолётом, пока он не скрылся в полярной тьме. Он вслушивался в звук мотора, который постепенно становился всё глуше и глуше, и не мог вспомнить, когда ещё он чувствовал себя таким одиноким.

Льдина выглядела устойчивой и незыблемой, если на неё смотреть с воздуха, но теперь он обратил внимание, что она разбухла и постепенно начала раскачиваться. Вокруг него трещал слабый лёд. С вершины тороса упал комок снега, дробясь в воздухе на мелкую пыль. Откуда-то издали доносился грохочущий гул, который как зверь ревел и устремлялся к небу. Всё заглушало скрежетание льдин, которые сталкиваются друг с другом, набегают друг на друга, трещат – и так всю дорогу в направлении Северного полюса.

Три участника экспедиции уже перебрались обратно в старый палаточный лагерь. Они стояли, окружённые одеждой и провиантом, оставленных пилотами из аварийных запасов вертолёта. Кнут направился к ним. Никаких других вариантов у него просто не было. Первые несколько минут никто из них не произнёс ни единого слова. Они уже смирились с тем, что в ближайшие сутки им предстоит находиться на этой льдине вместе – в ожидании вертолёта. Кнуту следовало найти оптимальный способ общения с членами экспедиции, желательно избегая жестких дискуссий и столкновений.

Он спросил, обращаясь к Карстену, каким образом он планирует организовать ночёвку. Кнут считал, что это может оказать положительный эффект и помочь найти общий язык через решение обычных бытовых вопросов. Возможно, ему это удалось. Скоро людей и снаряжение распределили по двум палаткам. Кнут оказался вместе с Мадсом в зелёной туннельной палатке, которую принесли из вертолёта. Карстену и Терье досталась красная пирамидальная палатка. Мадс взял с собой спутниковый телефон. Он раздобыл номер и отвечал за связи с внешним миром. Карстен вроде бы хотел что-то сказать, но воздержался. Продукты питания, примусы, кухонная утварь, одежда и спальные мешки были распределены поровну.

Ужин на всех четверых накрыли в пирамидальной палатке. Он состоял из сублимированного тушёного мяса, приготовленного из вертолётных запасов. Праздник выдался на славу, по крайней мере, для трёх участников экспедиции. Они пошутили, что у губернатора, видимо, неплохие консультанты, раз он закупил такую дорогую еду. Члены экспедиции вроде бы даже пытались заключить спонсорский контракт с производителями еды, но им это не удалось. Еда, которую они взяли с собой, была неплохого качества. Просто она немного утомляла своим однообразием. На десерт Карстен извлёк овсяные кексы с орехами и мёдом – из собственных запасов экспедиции. Кнут отметил, что взять с собой кексы – хорошая идея, они калорийные и лёгкие по весу.

Атмосфера в палатке немного разрядилась. Термос с горячим растворимым кофе пустили по кругу, с кофе ели овсяные кексы и молочный шоколад из вертолёта. Карстен очистил трубку и зажег её.

– Закон о запрете курения в экспедициях не актуален.

Конечно, все и раньше слышали эту и подобные шутки, но улыбались весьма дружелюбно и вообще расслабились.

Полярники расселись, словно дома, скрестив ноги и непринуждённо болтая о том о сём – о своих семьях и о друзьях, о том, что о них пишет пресса. Кнут в основном кивал и соглашался, он умолчал о том, что не слишком-то внимательно следил за судьбой экспедиции. В дискуссии относительно дальнейшей судьбы экспедиции он тоже не участвовал. Просто вспо-

минал некоторые эпизоды – жизни и работы на Шпицбергене, о Лонгиере и ледовых базах, раскинутых по разным точкам архипелага.

– Что ж, в этом есть своя прелесть – жить в таких малонаселённых местах, – сказал Мадс. – Но зимой, когда темно и холодно, возникает чувство изолированности от мира. Разве ты не скучаешь по городу, например, по Тромсё?

Кнута подобные высказывания очень позабавили, он украдкой наблюдал за своими собеседниками. Неужели они всерьёз считают, что он такой дикарь и бука, который не смог бы выжить в условиях южнее Северного полярного круга?

Терье замкнулся и погрузился в собственные размышления, а Карстен, самоуверенный и невозмутимый, устроился позади примуса. Мадс, сидя на краю спального мешка, массирует ногу. Кнут хотел спросить его, не получил ли он травму. Судя по всему, Мадса что-то беспокоило. Но полицейский воздержался от расспросов. Через сутки Мадс попадёт к докторам в Лонгиер, и они обследуют его ногу. Вместо этого Кнут спросил, как эту четвёрку осенила идея – отправиться с экспедицией на Северный полюс и стартовать именно со Шпицбергена?

Карстен откинулся назад, на спальный мешок, и выпустил колечко дыма в потолок.

– Вообще-то эта идея осенила мою жену, Карин.

Он улыбнулся Мадсу, но тот не смотрел на него, а продолжал растирать свою ногу.

– Она моложе меня, и, скорее всего, ей захотелось немного взбодрить меня, старикана.

Кнут кивнул. Он не раз встречал Карин Хауге в Лонгиере. Красивая женщина, подумал он, но вслух этого не сказал. Он спросил, не хотел ли кто-нибудь из дам отправиться с ними в экспедицию. Обе – и жена Карстена, и жена Мадса – находились в хорошей форме и, безусловно, справились бы с нагрузками.

Но Карстен возражал.

– Ведь речь идёт не только о физической форме, – сказал он. – Психическое состояние не менее важно. Для экспедиции необходимо соблюдать душевное равновесие. Какова была бы наша участь, если бы наши жены находились с нами в палатках? Нет, это было бы совершенно безнадёжно.

– Ты знаешь Роберта Эдвина Пири?¹⁷ – спросил Мадс.

Он немного пригнулся, чтобы поймать взгляд Кнута под одеждой, которые сушились в середине палатки.

– Все свои экспедиции он начинал с Гренландии. Он первым достиг Северного полюса, но так и не получил должного признания, потому что другие экспедиции заявляли, что и они тоже достигли полюса. Например, Фредерик Кук¹⁸, который участвовал в одной из первых экспедиций Пири.

Конечно, Кнут знал о Роберте Эдвине Пири, американском путешественнике, который сообщил о том, что он достиг Северного полюса в апреле 1909 года. Хотя детали его никогда не интересовали.

– Он женился на Джозефине Дибич¹⁹, которая была намного моложе его, – сказал Карстен. – Она принимала участие в нескольких его экспедициях, но дольше всего находилась в зимнем лагере в Гренландии. За это его критиковала американская пресса, его обвиняли в

¹⁷ Роберт Эдвин Пири (1856–1920) – американский исследователь Арктики, полярный путешественник. 23 года жизни посвятил освоению Северного полюса, осуществил несколько экспедиций в Гренландию и Центральную Арктику. По его утверждению, он первым достиг Северного полюса 6 апреля 1909 года. В настоящее время этот факт не считается доказанным.

¹⁸ Фредерик Альберт Кук (1865–1940) – американский врач, полярный путешественник и бизнесмен, заявлявший, что первым в истории человечества достиг Северного полюса 21 апреля 1908 года, за год до Роберта Пири. Также утверждал, что 16 сентября 1906 года первым взойшёл на вершину высочайшей горы Америки Мак-Кинли. В 1909 году Пири и некоторые сотрудники Кука обвинили его в фальсификации данных.

¹⁹ Джозефина Сесилия Дибич-Пири (1863–1955) – полярная путешественница и писательница, жена Роберта Пири.

непрофессионализме. Вообще-то многие считают, что женщинам нечего делать в полярных регионах.

– Когда она впервые попала в Гренландию, ей было двадцать девять лет, – сказал Терье. – Она была лишь немного моложе Карин.

Карстен продолжал, словно он не слышал Терье:

– В любом случае, экспедиция рассчитана на четырёх участников. Так что мы не могли бы вдруг изменить наши планы и взять с собой Карин и Камиллу.

– Сейчас уже поздно толковать об этом, – сказал Мадс.

Голос его звучал очень тихо, почти жалобно.

– Никто из нас не сожалеет о том, что они не здесь, не с нами, Карстен. Хотя Камилла и настаивала на том, чтобы мы взяли её с собой. Ты ведь её знаешь. Она любит находиться в центре внимания. Я думаю, что они просто красавицы, обе наши дамы. Они остановились в гостинице и спят в тёплых мягких постелях. Они ужинают и развлекаются по вечерам в ресторанах. И ждут нашего возвращения.

– Так, значит, для нас то, что они теперь находятся в Лонгиере, это бонус? Иначе кому-нибудь из нас пришлось бы в связи со сложившимися обстоятельствами отправиться обратно – на вертолёт, вместе со Свейном, – сказал Терье.

Он сидел в углу палатки, и его лицо частично скрывали шерстяные носки Карстена, которые сохли на верёвке.

– Только если бы в вертолёт нашлось место, – сказал Карстен с раздражением.

Похоже, что плохое настроение вернулось. Оно заняло место дополнительного участника экспедиции, обрело свой спальный мешок и внесло общую ноту недовольства.

Ближе к одиннадцати часам Мадс и Кнут отправились к туннельной палатке. Под ногами скрипел снег. Позади них тусклый свет от примуса освещал красную пирамидальную палатку. Они услышали внезапный смех Терье, громкий и бодрый. Чем Карстен смог так его рассмешить? За палаткой было довольно темно, насколько они могли видеть. Обычно этот особый синий свет можно наблюдать в течение нескольких часов в вечернее время и в очень короткий период – между зимой и летом, между полярной ночью и полуночным солнцем. А на небе нет ни одной звёзды. В воздухе разлит синий цвет индиго, и мерцают тени, словно в водной глубине.

В полумраке на поверхности льдины микромир экспедиции казался ещё меньше. Кнут взглянул на то место, где лежали погибшие собаки. «Было бы рискованно оставить их здесь в качестве приманки для медведей», – подумал он, но вдруг почувствовал смертельную усталость. Едва он успел заползти в палатку, как сразу же рухнул на спальный мешок. Следом за ним в палатку вошёл Мадс и начал готовиться ко сну. Он сложил одежду между палаткой и матрасом, а часть спального мешка приспособил в качестве подушки. Затем он заполз в него.

Кнут как прилежный ученик повторял за ним все движения. В туннельной палатке было тесно и дискомфортно, пространство между спальными местами занимало не больше полуметра. Никто из них не предложил включить примус и немного разогреть спальные мешки, прежде чем лечь. Кнут заполз в холодный спальный мешок и позволил в свой адрес умеренную самокритику. Ну с какой стати он всегда должен быть таким ответственным и обязательным?

Сейчас ему очень захотелось оставить экспедицию на льдине, а самому куда-нибудь удрать.

Утром, когда Кнут проснулся, ему показалось, что он слышит голоса за пределами палатки. Возможно, пока он спал, приземлился вертолёт? Но нет, к сожалению, – он убедился в этом довольно скоро. Он взглянул на часы – всего лишь несколько минут шестого. Вертолёт не будет, по крайней мере до полудня, экипажу придётся для начала приземлиться на «Поларштерне» и пополнить запасы горючего. Кнут повернулся и огляделся вокруг. Мадс лежал в

спальном мешке и похрапывал. Он надел на себя вязаную шапочку, чтобы защитить макушку от холода.

Это была какая-то особенная ночь, с абстрактными мечтами, смехом и шёпотом, настолько приглушённым, что Кнут так и не смог понять, что же было сказано. Он давно не испытывал такого состояния покоя. Покой постелил ему мягкое одеяло. Он вытянулся в спальном мешке, почувствовал тепло собственного тела. Зелёная ткань палатки двигалась как парус под лёгкими порывами ветра. Вспыхнула тонкая полоска света, и Кнут так и не понял, откуда он взялся. Небеса немного прояснились. «Это свет, отражённый от полной луны», – догадался он.

Спустя какое-то время шумы снаружи палатки снова разбудили его. На этот раз уже не возникло никаких сомнений, что это были члены экспедиции. Мадс оделся и постарался выйти тихо, так, чтобы не разбудить Кнута. Его спальный мешок лежал сложенный у входа в палатку. На палатку падали солнечные лучи, но гармоничная атмосфера ночи куда-то улетучилась.

Кнут надел куртку, свернул спальный мешок и убрал разные мелочи. За пределами палатки светило низкое солнце, дул ветер, более мягкий, чем накануне. Облака висели над ледовым пейзажем, словно окрашенные пастельными тонами кулисы. Торосы отбрасывали длинные синие тени. Он оглянулся. Лагерь растаял в дымке рассвета. Снаряжение экспедиции лежало упакованное в высокие тюки на санях. Трое участников экспедиции стояли вместе на приличном расстоянии, они склонились над погибшими собаками. Кнут прищурил глаза, чтобы разглядеть, чем они там занимаются.

Чуть позже они шли по льду, нагруженные тяжёлыми чёрными пластиковыми пакетами. Они разделали собак и сложили их останки в пакеты.

Карстен подсчитал, сколько у них запасов еды. Они могли позволить себе немного больше пищи теперь. Нет, они не оставили бы Кнута одного на льдине. Они решили убедить его пройти с ними однодневный маршрут в сторону севера. Теперь это уже не играло никакой роли – вертолёту хватило бы нескольких минут, чтобы снова взять их на борт.

Глава 5. Наблюдатель

Первое, что мне вспоминается из моего детства, – снег, падающий на крышу за окном в спальне. Он такой белый, такой лёгкий, такой пушистый, как перина. Я жила в большом старом бревенчатом доме, который принадлежал моим бабушке и дедушке и находился в Варангере²⁰, к югу от Сванвика²¹, на границе с Финляндией.

Я любила этот дом, хотя и немного боялась тёмного чердака, населённого тенями и загромождённого пыльными ящиками и старой мебелью. Я не ходила в одиночку и вниз, на цокольный этаж, расположенный за большой, запертой на замок дверью.

«Там наверняка кто-то живёт», – думала я. Ведь оттуда постоянно доносились какие-то звуки.

У меня было счастливое детство. По вечерам в большой столовой меня поили какао и овсяными кексами. Когда моя мама не могла читать мне вслух, бабушка делилась своими детскими воспоминаниями. Конечно, не все истории годятся для детского восприятия, детство моей бабушки выпало на годы Второй мировой войны – она выросла в разрушенном бомбами Финнмарке. Для меня мамины сказки о троллях и гоблинах и мемуары бабушки сливались в одну нескончаемую фантастическую эпопею.

Мирная жизнь в деревянном доме протекала без забот и хлопот, пока однажды в пятилетнем возрасте студёным зимним утром я не решила спрыгнуть на белоснежный наст под окном спальни. Я поскользнулась на крутой обледенелой крыше, упала на землю и сломала ногу. Глубокий снег вокруг деревянных стен дома образовал ледяные сугробы. В них моё маленькое туловище, одетое лишь в ночную рубашку, исчезло почти без следа.

Прошло немало времени, прежде чем мои родители обнаружили меня, полностью обмороженную и в бессознательном состоянии. Отец поднял меня по лестнице в спальню. Меня завернули в одеяло, обложили грелками. Температура тела опустилась до тридцати трёх градусов, констатировал врач. Мне просто повезло, что я выжила.

Казалось бы, столь ранний и печальный опыт заставит меня бояться снега и холода, но не тут-то было. Мне так хорошо мечталось, когда я лежала, укутанная снегом, и замерзала. Кроме того, мне уделили так много внимания в связи с загипсованной лодыжкой. Моя мама называла меня принцессой, в её интерпретации этот инцидент послужил основой для легенды об отважной девочке, которая восстала против ледяного тролля.

Но детство в Варангере скоро закончилось – причём почти неожиданно. Мне едва исполнилось двенадцать лет, когда моя семья переехала в Осло. Контрасты жизни в Осло и Финнмарке, где я выросла, оказались чересчур резкими. Хуже всего было то, что на начальном этапе я не поняла этого. В школе я поделилась со своими сверстниками, что я и моя семья жили вместе с моей бабушкой в старом деревянном доме. Я промолчала про темноту и метели, про горы и равнины. Лишь бы одноклассники не подтрунивали надо мной.

Детство, проведённое на севере Норвегии, закалило меня – я стала очень активным подростком и могла постоять за себя. Я любила старые сказки и легенды, была суеверна и боялась темноты. В Нордстранде²² меня считали немного чужаковатой, что, конечно, ничуть не радовало меня.

²⁰ Варангер – полуостров в Норвегии.

²¹ Сванвик – посёлок на севере Норвегии в фюльке (провинции) Финнмарк. Расположен на границе с Мурманской областью, на берегу пограничной реки Паз.

²² Нордстранд – район Осло.

Скоро я научилась помалкивать о вещах, которые мне самой казались загадочными, и мне даже понравилось играть роль самой скрытной и самой таинственной девочки в классе. Я стала домоседкой и предавалась чтению, пока мои сверстницы ходили по торговым центрам или знакомились с соседскими мальчишками. В конце концов я нашла для себя такие ниши, где можно было бы самоутвердиться и никого при этом не провоцировать. Я преуспевала в математике и стала образцовой лыжницей.

Постепенно я обрела себя и прошла через то, через что обычно проходят все тинейджеры. Процесс взросления и адаптации, всегда очень болезненный, отмечен потерями. Что касается меня, то я рассталась с финнмаркским диалектом.

Но даже самый одинокий из всех подростков в конце концов находит друзей, примыкает к кому-нибудь. Мадс Фриис тоже чувствовал себя довольно одиноко в школе, хотя у него было что-то, что компенсировало его круглое лицо, жидкую шевелюру и очки. Его родители относились к кругу состоятельной и консервативной публики. А в Нордстранде это очень даже котиновалось. После того как я подружилась с Мадсом, одноклассники меня зауважали. Он был на несколько лет старше и мог брать меня с собой в такие места, которые разрешалось посещать только начиная с восемнадцати лет.

Мадс изучал право. Конечно, я знала, что у Мадса есть и другие друзья. Я видела их в автобусе, в новом торговом центре в Сетере²³. Красивая самоуверенная Камилла Эриксен. Смазливый блондин Карстен Хауге, который, кстати, был знаменитостью – вся Норвегия смотрела фильмы о мальчике из Южной Норвегии, который путешествовал по морям на парусных судах. Все восхищались Карстеном. И он, казалось, привык к этому.

А Мадс делил свою жизнь на несколько отдельных сегментов. Довольно долгое время я не пересекалась ни с членами его семьи, ни с его ближайшими друзьями.

Мне казалось вполне естественным, что Карстен не помнил меня – за исключением тех редких случаев, когда мы с ним встречались. Он был знаменитый странник, и я даже считала, что не достойна приближаться к нему. И только после одного серьёзного инцидента старые школьные друзья Мадса приняли меня в свою компанию.

Та зима, когда мне исполнилось восемнадцать лет, выдалась аномально снежной. За несколько недель выпало столько снега, что улицы Нордстранда завалило, а потом несколько дней подряд лили дожди, и дороги и улицы превратились в реки и моря слякоти и льда.

Как раз перед Рождеством Мадс пригласил меня погостить и переночевать в одном из дачных домиков в Эстмарке, принадлежащем его семье. Мои родители так и не смогли прийти к согласию – следует меня отпустить или нет. Моя мама без конца повторяла отцу, что меня ещё слишком рано отпускать из дома.

Я уверяла их, что это полный идиотизм – считать, что мы с Мадсом влюблены друг в друга. А если бы мы были влюблены, то какая нам разница, где заниматься любовью – в городе или в загородном домике. В конце концов мой отец встал на мою сторону. Он, похоже, наконец-то обратил внимание на то, что я уже не ребёнок и мне скоро исполнится восемнадцать лет. И потому он согласился с тем, что я могу сама выбирать себе друзей, даже если они выросли в городе и никогда не бывали на севере.

За мной признали право на свободу. Против своей воли моя мать отпустила меня в трёхдневное предрождественское путешествие с Мадсом, Камиллой и Карстеном. К тому же она даже помогла мне упаковать сумку, но при этом у неё было такое выражение лица, словно я собиралась на похороны. В некотором смысле, она оказалась почти права.

²³ Сетере – район Осло.

Подъехать к домику на машине не представлялось возможным – он находился далеко в стороне от дороги. Провиант, напитки и одежда были уложены в четыре рюкзака. Ключи от домика были у Мадса. Мой отец подвёз нас до Эдегорда, а оттуда начиналась вполне приличная горнолыжная трасса. Мадс в первый раз увидел моего отца. Я даже почувствовала некоторую неловкость, уж очень они были вежливы друг с другом. Мой отец говорил на финнмаркском диалекте и держался крайне дружелюбно. Ни одного грубого слова, пока мы распределяли рюкзаки и вставали на лыжи. Поскольку нам уже пора было в путь, Карстен сказал, что я могу отправиться первой, поскольку я заядлая путешественница и у меня уже есть опыт общения с дикой природой.

Он, конечно, сказал это в шутку, и не было никакого повода обижаться. Может быть, я была особенно чувствительна, потому что плохо знала своих спутников и мне очень хотелось произвести на них приятное впечатление. Как ни странно, но Мадс очень близко к сердцу воспринял эту невинную реплику.

– Лучше бы уж он сам отправился в путь первым, – сказал он. – Тем более что он знает, где находится домик.

Первая часть лыжной трассы была довольно крутой – дорога вела вверх, к ручейку. Через несколько километров Мадс обнаружил в стороне от дорожки едва заметный заснеженный след. Карстен вернулся и крикнул, мол, он не уверен, что они выбрали нужную тропинку. Они и раньше вместе с Мадсом ходили в походы. Но Мадс даже не обернулся и только кинул через плечо, что уж сам-то он должен знать путь к своему домику. Тон у него был обиженный, но мне показалось, что немного неуверенный.

Через полчаса уже никаких сомнений не оставалось. Домик и в самом деле не мог там находиться. Покрытая снегом тропинка исчезла.

Мы углубились далеко в дебри и всё чаще наталкивались на кусты и ветки. В конце концов я остановилась и крикнула Мадсу, что это не та тропинка. Нам нужно вернуться к главной дороге и начать всё сначала.

Мадс обернулся с непреклонным выражением на лице, упорно доказывая, что он знает, домик находится там. Затем он прошёл несколько шагов, но вдруг упал и провалился в снег. Снег оказался глубокий и доходил до рук, Мадс очутился в старом ручье. Пока мы спешили к нему, чтобы вытянуть его наверх, он провалился под лёд. Правда, воды было не так уж много, но всё же он почти по колено промок. Он застыл, при этом выражение лица у него было недоверчивое, словно он и сам не мог поверить в то, что с ним произошло. Возможно, это был шок, но всё же ничего по-настоящему страшного не случилось.

Опустились сумерки, хотя было всего лишь начало шестого. На нас надвигался холод. Теперь, когда мы стояли молча и пытались помочь Мадсу, мы поняли, что сейчас, наверное, температура опустилась на несколько градусов ниже нуля. Камилла ёжилась в коротком анорাকে, который больше защищал её от ветра, чем от холода.

– Я поддержу тебя, – сказала она.

Хотя я пока ни о чём не просила. Впрочем, именно этой поддержки мне и не хватало. Я взяла ситуацию под свой контроль, велела всем снять с себя рюкзаки и сложить их вместе. Мадс уселся на землю – но не сопротивлялся. Я стащила с него лыжи и ботинки. У него насквозь промокли и замёрзли ноги. Я задрала свитер и рубашку и приложила его ноги к своему голому животу. Мадс очень испугался. Его зрачки расширились и потемнели, а рот исказился в гримасе. Но он не проронил ни единого слова.

Я стянула с себя носки и надела их на Мадса. Выжала воду из его носков и потрясла ими, чтобы как следует просушить. Сама надела на себя ледяные шерстяные носки и натянула ботинки. Мадс пытался протестовать. Я и сама была перепугана, так что дискутировать мне было некогда. Время было позднее, стало очень холодно, и мы понятия не имели, где находимся.

Мы вернулись к основной тропинке, опираясь больше на интуицию, чем на знания. Через час мы оказались около домика. Тёмный, покрытый морилкой домик, традиционная древесина, белые ставни, узкая деревянная лестница и крыльцо. Дом показался просторным, и, конечно, когда мы затопим камин, сразу станет уютно. Я начинала замерзать, что-то невидимое нервировало меня.

Карстен подошёл ко мне, он ничего не сказал. Просто положил руки мне на плечи и прижался ко мне. Камилла так растрогалась, что даже заплакала, но Мадс вроде бы оставался безучастным. Он стоял и озирался вокруг, словно никогда не бывал тут раньше. Он наклонился и открыл свой рюкзак, пошарил внутри. Он искал ключи. Через несколько минут он с робким выражением лица признался, что не может их найти. Я решила немного взбодрить его и высказала предположение, что он мог положить их в карман пиджака. Или, может быть, он передал их Карстену? В конце концов он нашёл ключи в рюкзаке, в котором искал их в самом начале. Но замок не поддавался. Мадс выглядел подавленным, но был непреклонен. Он предположил, что мы пытаемся ворваться не в тот домик, на что Карстен отреагировал саркастической усмешкой. С утёса, на котором возвышался домик, я созерцала замёрзшее озеро. Стало уже очень темно, и луна освещала снег стальным глянцевым блеском. Ни облака. Я испугалась и всё спрашивала у своих спутников, знаком ли им запах холода. Они улыбнулись, но в конце концов и они почувствовали его приближение. На нас надвигался ледяной холод.

Я даже не знаю, что вдруг на меня нашло. Я схватила одну лыжу и с отчаянием резким ударом выбила окно рядом со входной дверью. К счастью, защёлка находилась на внутренней стороне, и мы смогли зайти внутрь. Трое моих спутников смотрели на меня так, словно в меня вселился бес, но по их взглядам читалось и определённое уважение к решительности и умению действовать.

Мы внесли наши рюкзаки, разожгли огонь в большом камине в гостиной и включили конфорку на кухне. Я приготовила какао для всех, сняла с Мадса ботинки и носки. Его ноги покрылись синими пятнами. «Еще немного, и было бы поздно», – подумала я.

В домике скоро стало тепло, но потребовалось некоторое время, чтобы просушить и проветрить одеяла, подушки и простыни. Карстен нашёл термометр и выставил его за крыльцо, чтобы проверить, какая снаружи температура. Мы распили бутылку красного вина, которую принесли с собой, и начали играть в настольные игры, которые нашлись в книжном шкафу. Юные и беззаботные, мы ощущали радость от того, что путешествуем без присмотра родителей. В половине первого ночи мы улеглись спать.

А Карстен, до того как лечь спать, вышел на лестницу и взглянул на термометр: он показывал минус тридцать шесть градусов, на двадцать градусов холоднее, чем когда мы покинули Эдегорд. У него даже расширились зрачки, он не мог понять, откуда взялся такой холод. Я ответила, сидя уже сонная в кресле у камина, что, может быть, термометр не совсем точен, но он покачал головой. Сказал, что я совсем не похожа на тех девиц, с которыми он ходил в походы. Он смотрел на меня восхищённо. «Что ж, нет худа без добра», – подумала я. По крайней мере, мы все четверо познакомились друг с другом.

Мы называли себя нордстрандской четвёркой. Наша команда – это Камилла и Карстен, Мадс и я. Конечно, в нашем поле гравитации появлялись и другие юноши и девушки, но очень немногие из них оставались надолго. Карстен, Камилла и Мадс изучали право, но после университета все выбрали разные направления.

Ни у кого не вызывало сомнений, что Мадс будет работать в фирме своего отца. Через пару лет за ним последовал и Карстен. Все, казалось, были очень довольны этим обстоятельством. Карстен привнёс свежесть и новизну в старую семейную компанию, по словам отца Мадса.

А Камилла так и не закончила свою учёбу, она только прослушала первый курс юриспруденции, что, конечно, с точки зрения перспектив не было многообещающим. Несколько беспокойных лет она пробавлялась случайными заработками, пока не начала работать корреспондентом в газете «Дагбладет»²⁴. Работа пришлась ей по душе, и это оказалось взаимно. Насколько я понимаю, она попала в самую точку. У неё изменился стиль общения – она стала изъясняться более определённо, начала с коллегами посещать пабы и ездить в малонаселённые места, чтобы писать репортажи. Карстен и Мадс смотрели на всё это со сдержанным любопытством. Они были слишком хорошо воспитаны, чтобы осуждать чужие взгляды и поступки.

Я получила диплом архитектора и после учебы переехала в маленькую квартиру в Сетере. Мои родители вернулись в старый деревянный бабушкин дом в Финнмарке. Мой отец работал участковым врачом, а мама осуществила свою мечту и стала детским писателем. Они жили другой жизнью, не такой, как я, а более яркой и захватывающей. Мне часто становилось грустно, когда я получала письма от них, я тогда не понимала, что меня просто одолевает ностальгия. Жизнь в Нордстранде казалась мне своего рода параллельным существованием, и я считала, что смогу удрать от неё, если она мне наскучит.

Возможно, я бы и уехала обратно, если бы Карстен внезапно и необъяснимо не прервал длительный роман с Камиллой, хотя окружающие считали, что у них всё идёт к свадьбе. После этого он мог бы завоевать кого угодно. Он мог быть невероятно привлекательным, когда хотел. Но ему захотелось завоевать меня. Честно говоря, я уже довольно давно была влюблена в него.

Мадс не выглядел слишком расстроенным, правда, он всегда был очень скрытен – никогда не знаешь, о чём он думает или что планирует. Через несколько месяцев он и Камилла стали парой.

Той же осенью мы с Карстеном отправились на отдых в Грецию вдвоём. Он сделал мне предложение поздней ночью, когда мы ужинали в романтическом ресторанчике. Было жарко и темно, звёзды высыпали на небо над крышами каменных домиков, а вдоль всех изгородей и кирпичных стен росли цветы. Я попыталась обратить всё в шутку. Может быть, Карстен решил, что я сказала «да»? На самом деле я была напугана. Я должна была бы откровенно признаться ему, что хотела бы вернуться в Финнмарк, я была одинока в Нордстранде. Я чувствовала себя наблюдателем, словно я просто гость.

²⁴ «Дагбладет» – ежедневная норвежская газета. Позиционирует себя как культурно-радикальная и социально-либеральная газета.

Глава 6. Собака ниоткуда

Когда Том Андреассен с собакой поздно вечером в пятницу явился домой, детей уже давно уложили спать. Он сказал, что это собака Кнута, которую тот отослал обратно – с Северного полюса. Нет, конечно, они не обязаны оставлять её у себя. Его жена Нина смотрела на Тома с иронией.

– Почему бы не отвезти эту собаку в один из многочисленных питомников в городе? – поинтересовалась она. – И вообще, почему Кнут отослал эту собаку из экспедиции?

Дети давно мечтали о собаке. И они, конечно, будут бесконечно счастливы, когда обнаружат в коридоре спящую собаку.

Том пообещал, что увезёт собаку до того, как дети проснутся на следующее утро.

Они уложили собаку у входной двери в холле. Том принёс старый ковёр, поставил ей большую миску с водой и кое-какие остатки обеда. Огромная собака разлеглась на полу прямо вплотную к двери. Он взглянул на неё более пристально. И разглядел у неё кровь – в уголке рта.

– Что с ней случилось? – спросила Нина. – Она что, подралась? Или Кнут отправил её обратно, потому что она агрессивна? Теперь мне уже кажется, что он обязан был бы оставить её у себя.

Том признался, что Кнут остался на льдине вместе с экспедицией, отправив в больницу заболевшего участника и одну-единственную выжившую собаку.

– Он что, окончательно свихнулся? – тихо спросила Нина. – Какой из Кнута полярник?

Само собой разумеется, дети встали раньше, до того как Том забрал собаку из дома. Они окружили собаку, все четверо, гладили каждый миллиметр её щетинистой рыже-коричневой шерсти. Возможно, они уделили ей даже чересчур много внимания. Собака встала на дрожащие лапы, и её вырвало.

– Дети, не трогайте собаку! – сказал Том. – Отойдите от неё!

Он вывел её за лестницу и привязал. Натянул на себя резиновые перчатки, промыл коврик и выбросил его в мусорный контейнер. Ещё раз водой с хлоркой промыл пол и стены.

– А тебе не кажется, что собака заболела чем-то заразным?

Нина не собиралась сдаваться.

– Вдруг у неё бешенство или что-то подобное?

Местные ветеринары на Шпицбергене не водились. Не нашлось никого из представителей этой гуманной профессии, кто решил бы обосноваться и остаться здесь надолго. Только ветеринар из Тромсё приезжал на несколько недель, чтобы организовать вакцинацию, проследить за экспортом и импортом собак и помочь в экстренных случаях. В последние годы в Лонгиере появилось много домашних животных – собаки, лошади, и даже обезьянка с попугаями. За пределами населённых пунктов обитали лисы, олени, птицы, белые медведи, тюлени. Ответственность за фауну нес экологический департамент администрации губернатора.

Том покачал головой, ему стало не по себе.

– Я отвезу её в больницу, – сказал он. – Кнут сказал, что Туре Даль осмотрит её.

Нина ушла из дома и забрала с собой детей. И хотя они очень хотели остаться и поиграть с собачкой, уговорить их покинуть жилище оказалось не так сложно. Как раз начиналась зимняя фестивальная Неделя Солнца²⁵, и в субботу в городе отмечали самый большой семейный

²⁵ В начале марта на Шпицбергене отмечают Фестиваль Солнца, празднуют его возвращение, устраивают концерты и выставки, едут на природу.

праздник в году – с играми, конкурсами и развлечениями. На альпийском холме над Ньюбюеном устраивали собачьи бега, прыжки с трамплина, сноубординг и катание на санях. Эти мероприятия планировались заранее. Участие родителей считалось почти обязательным.

В этом году празднику повезло с погодой. Гора осветилась зелёным неоновым светом, который затем превращался в лимонно-жёлтую полосу и постепенно заполнял всё вокруг.

К счастью, день выдался не пасмурным. Раз в год островитяне могли убедиться в существовании солнечного диска, по крайней мере те из них, кто отправлялся на другую сторону Лонгиердалена. Как раз в такие дни отделение полиции в администрации губернатора не простаивало без дела. Том не мог полностью проигнорировать этот праздник, но ему пришлось возиться с больной собакой и заниматься операцией «вертолёт» на 87-м градусе северной широты.

Том сидел в кресле-качалке у большого окна в гостиной. После ухода Нины с детьми в доме воцарилась тишина.

За окном гостиной над белыми горами простиралось небо разных цветов – от ярко-голубого до фарфорового. У него не оставалось никаких иллюзий – конечно, день предстоял спокойный, лихорадочный, как бег с препятствиями от одного неожиданного события к другому. Том слышал, как бедная собака снова и снова пыталась приподняться на лапы у входной двери. Сейчас самое главное – поручить её доктору. Он нашёл мобильник в кармане пиджака и позвонил в больницу.

– Я готов тебе помочь, но придётся подождать до полудня.

Голос Туре звучал напряжённо.

– В этом году публика каталась на санях и проявила крайнюю беспечность. У нас в приёмном покое многие сидят с переломами рук, ног и целым рядом диффузных травм. Между прочим, участник экспедиции крепко спит. А ведь ты хотел бы поговорить с ним? Вот заодно и попытаешься.

Всего через несколько минут ему позвонили из офиса. Оказалось, что немецкое научно-исследовательское судно получило повреждения, и береговой охране пришлось отбуксировать его в Лонгиер. «Эйрлифт» полностью зависел от заправки на «Поларштерне», но только тогда, когда судно направлялось на север в проливе Фрама²⁶. На личном складе горючего губернатора на Ферлегенхукене²⁷ практически всё было пусто. Оставалось лишь несколько бочек резервного топлива, на всякий случай. Их лучше не трогать. Но разве на 87-м градусе широты сложилась экстремальная ситуация и надо лететь сегодня?

Том Андреассен вздохнул, глотнул холодного кофе и взглянул в окно. Он не мог найти себе места. Что ему теперь делать? Экспедицией на Северный полюс занимался Кнут. Предположительно там, в его офисе, есть и папка. Он прошёл через холл, заполнил водой миску для собаки, перешагнул через её огромное тело и сел в машину. Дорога в офис казалась практически безлюдной. Большинство жителей отправились на другую сторону долины.

Офис Кнута тонул в полумраке, а папка экспедиции лежала посреди рабочего стола. Обычно на протяжении рабочей недели на столе возникал неизбежный кавардак – бумага, записки и разные мелочи накапливались в гигантских количествах, но на сей раз полицейский привёл всё в порядок.

²⁶ Пролив Фрама расположен между Гренландией и архипелагом Шпицберген, соединяет Северо-Европейский и Арктический бассейны Северного Ледовитого океана.

²⁷ Мыс Ферлегенхукен (80°04' с. ш., 16°00' в. д.) – крайняя северная точка острова Западный Шпицберген.

Том забрал папку в свой кабинет. Там было полно анкет, как одобренных, так и отвергнутых, списки снаряжения и материалов, логистические выкладки, а также вырезки из газет, в основном из континентальной прессы.

Кнут подозревал, что и собак, и Свейна Ларсена отравили. Но почему экспедиция на Северный полюс оказалась опасной для здоровья – и людей, и собак? Вот что предстояло выяснить.

На самом деле причиной многих трагедий на Шпицбергене становились несвежие продукты питания или токсины. Правда, это было давно, примерно в самом начале эры китобойного промысла. Тогда ничего не знали о цинге и о дефиците витамина «С», об отравлении свинцом из консервных банок, о ботулизме, причина которого – несвежая пища, об отравлении витамином «а» из-за переизбытка в рационе печени белых медведей, о заражении крови из-за того, что кто-то порезался, снимая шкуру тюленей. Гангрена и бешенство по-прежнему существуют, но, к счастью, они стали редкими напастями.

Скорее всего, наиболее вероятным источником отравления стал корм для собак, так как все собаки, кроме одной, погибли.

Том покачал головой.

Неужели из этого следует, что Свейн Ларсен питался кормом для собак? Вообще-то, вряд ли, но, с другой стороны, в наше время публика ведёт себя очень эксцентрично. Он полистал копии газетных статей, посвящённых экспедиции за последний год. И в конце концов углубился в чтение.

В первых статьях обсуждали дилетантский подход к экспедиции. Будущие покорители полюса говорили в основном о старых героях-полярниках, о традициях норвежских экспедиций.

Представители прессы задавали критические вопросы, а путешественники давали весьма уклончивые ответы. В центре всеобщего внимания оказались экономические аспекты проекта. Оба участника – и Мадс Фриис, и Карстен Хауге – были преуспевающими адвокатами, но вообще-то экспедиции на Северный полюс требовали колоссальных затрат. Ни один из них двоих не был настроен давать подробные комментарии относительно источников финансирования.

Казалось, что участники считают ниже своего достоинства лично платить за свои проекты. Они намеревались аккумулировать средства спонсоров, а также по примеру экспедиций прошлого отправиться к поставщикам и раздобыть снаряжение, продукты и всё остальное.

Том записал информацию, которую смог найти о разных компаниях – поставщиках продуктов питания. А где они закупали корм для собак? Ни в одной из газетных статей об этом не было ни слова. Он ничего не мог понять. Эта экспедиция оказалась какой-то очень загадочной...

Впрочем, раньше случались и трагические, и комические истории. Например, мужская команда из Испании намеревалась добраться до Северного полюса на мотоциклах, но не смогла продвинуться дальше взлётно-посадочной полосы. Женская команда из Франции была вынуждена прервать своё путешествие, потому что одна из женщин обморозила ногу и могла её лишиться. Польские полярники подошли с российской стороны, с Земли Франца-Иосифа, но застряли на Шпицбергене. Хотя они не слишком-то огорчились, они даже просто своё намерение покорить Северный полюс считали великим достижением. Словом, на каждую успешную экспедицию можно найти, по крайней мере, десять других, судьба которых вызывает сожаление, досаду или даже улыбку.

И всё-таки Тома не покидало ощущение – с этой экспедицией произошло что-то из ряда вон выходящее. На всякий случай он записал, что, судя по некоторым публикациям в газетах, уже в самом начале, на этапе подготовки, закупок и тому подобного, не всё ладилось. Когда

они, собственно говоря, решили взять с собой собак? С самого начала вроде бы планировалось ограничиться лыжами и санями.

Число участников экспедиции оставалось неопределённым. Журналисты в основном действительно интересовались двумя супругами, они задавали вопросы о Камилле Фриис и Карин Хауге. Всё выглядело так, словно они тоже идут вместе с мужьями. Например, Камилла Фриис откровенно заявляла, что хотела бы занять место в санном экипаже. На протяжении нескольких недель всеобщим вниманием завладели её фотографии из тренажёрного зала, её репортажи о лыжных походах в Нордмарке²⁸. Другая супруга, Карин Хауге, оставалась как бы в тени. В конце концов, Мадс Фриис заявил, что они решили взять в экспедицию только мужчин, так как физические нагрузки могут оказаться для женщин чересчур тяжёлыми.

«Могу только представить себе, какая тишина воцарилась в доме после того, как он сделал это заявление», – подумал Том. Его это даже немного развеселило.

В прошлом году незадолго до Рождества газеты начали муссировать весьма щекотливую тему. Карстена Хауге, казалось, очень привлекал американский полярник и путешественник Роберт Пири. Он просто преклонялся перед ним. Но за несколько недель до отъезда он заявил, что, возможно, Пири так и не удалось достичь Северного полюса. А путешествие Амундсена на дирижабле, когда он приземлился и оказался на полюсе, тоже не считается. Ведь пока ещё не нашлось никого, кто ступил бы на Северный полюс со стороны Норвегии. Это было незадолго до того, как Карстен Хауге и остальная часть экспедиции отправились в путь. Том в недоумении покачал головой. Почему бы журналистам не проверять более тщательно свои данные? Все их выкладки содержали такое количество ошибок, что он затруднился бы их сосчитать.

А теперь – снова насчёт еды и спонсоров. Экспедиция запаслась достаточным количеством провианта – овсянка, супы, замороженные обеды и завтраки, сухое молоко, масло – сливочное и растительное, и всё, что можно положить на хлеб – варенье, конфитюры, сыры. С собой также взяли печенье и шоколад. Этот внушительный список следовало бы проверить, но, на самом деле, мало ли что может оказаться несъедобным. Вряд ли консервы, ведь современные экспедиции использовали их в ограниченном объёме. Том составил списки провианта. Он передаст их Туре Далю, когда придёт к нему с собакой.

Начальник полиции взглянул на часы. Приближалось время обеда. Что ещё ему нужно сделать, перед тем как он возьмёт собаку и отвезёт её в больницу?

Он перевернул стопки бумаг и проглядел их снова. Наконец-то он нашёл то, что искал. Большинство собак были взяты из двух питомников. «Полар Кеннел» находится у старой заброшенной станции Нордлюс, а «Бейскамп Кеннел» – на холме, у дороги, которая ведёт к шахте номер 7.

Том не мог поверить в то, что какая-нибудь из собак заболела и об этом в питомнике не предупредили. Это были два серьёзных предприятия, с солидной репутацией, они специализировались на туристических путешествиях на собачьих упряжках. Не говоря уже о том, что они рисковали получить серьёзный нагоняй от экологического департамента.

Он позвонил. В обеих фирмах отреагировали одинаково. Они уверяли, что ни одна из собак, переданных экспедиции, не была ничем больна. Они очень позитивно отзывались о Свейне Ларсене как о каюре. «А с чего вы взяли, что собаки были больны?» Ни один из двух владельцев питомников даже и предположить не мог, что произошло. Ничего подобного никогда раньше не случалось.

В конце разговора Том спросил об огромной собаке рыже-коричневой масти, которая спала на полу в коридоре его дома. Никто из них не продавал собаку, которая соответствовала

²⁸ Нордмарка – регион севернее Осло, популярное место для лыжных и пеших прогулок.

этому описанию. Они понятия не имели, откуда она взялась. Может быть, это была собака, которую в частном порядке импортировали с материка? Или русская собака? У них не было никаких других предположений.

Том вздохнул. В экологическом департаменте был список всех импортированных собак, но придётся подождать до понедельника, когда сотрудники появятся на работе.

Он уже вышел из офиса, когда вдруг вспомнил, что упустил кое-что из виду.

А как себя чувствуют две дамы, жены членов экспедиции, которые находятся сейчас в городе? Они держались очень закрыто, практически анонимно после того, как экспедиция отправилась в путь, а журналисты покинули Лонгиер.

Обе они переехали из гостевого дома в Ньюбюене в «Полархотел» после того, как остались одни. Он знал, что один из служащих сообщил им о Свейне Ларсене, и огорчился, что не сразу вспомнил о них.

Конечно, ему нужно пообщаться с ними. Но сначала придётся передать собаку в больницу и поговорить с главным врачом.

Том Андреассен припарковал машину так, чтобы погрузить в неё собаку. Поморщился при мысли о том, что ему придётся вытирать блевотину с заднего сиденья.

Он почувствовал что-то неладное, когда отпирал замок и входил в дом. В холле было пусто, и вообще непривычно тихо – ни звуков, ни движений. Начальник полиции поднялся по лестнице на второй этаж, заглянул на кухню и отпрянул назад. Собака открыла дверь холодильника и извлекла основную часть его содержимого. Она разбила яйца, разлила молоко, разжевала коробки и раскидала по полу ошметки еды, которую уже невозможно было идентифицировать. Но самой собаки и след простыл.

Начальник полиции вздохнул и прошёл дальше, в гостиную. Собака растянулась на чёрном кожаном диване, она положила голову на лапы и устремила на него блестящие тёмные глаза. Она предприняла слабую попытку вильнуть хвостом и уронила на пол торшер, который стоял в углу. На первый взгляд всё остальное выглядело как обычно, но когда он уложил собаку на пол, то увидел, что весь диван ободран. В самой середине в куче чёрных кожаных тряпок и обрывков серой шерсти валялся пакет сливочного масла.

Собака пыталась съесть кусок сливочного масла, но передумала и бросила всё за диван. Она привела диван в полную негодность. Но самое худшее – это сгустки крови и слизи на полу.

Глава 7. Проект

Существует общепринятая точка зрения, согласно которой мужчина должен осуществить все свои самые дерзкие мечты до сорока лет. Но Карстен начал паниковать заранее – когда ему исполнилось тридцать пять. Мне он не признавался, но я всё-таки догадывалась – он ни с того ни с сего почувствовал себя старым. Он уже в детстве стал кинозвездой и считал, что ему всегда будут доставаться какие-то значительные роли, что он станет знаменитым и обязательно прославится за какие-то свершения.

Мадс и Камилла не понимали, откуда в Карстене эта тяга к свершению подвигов, благодаря которым все будут им восхищаться. Мадс был доволен тем, как складывалась его жизнь – в роли младшего партнёра в юридической фирме своего отца. Камилла в постоянной погоне за сенсациями могла позволить себе многое из того, о чём Карстен мог только мечтать. Поэтому ничего удивительного в том, что именно она инициировала нашу первую поездку – альпинистский поход.

Кстати, никто из нас не был альпинистом. Камилла записала нас всех на курсы для начинающих альпинистов в «Колсос Клатреклеуб»²⁹. Вскоре выяснилось, что Мадсу альпинизм противопоказан. У него уже был избыточный вес, к тому же он был неповоротливым. Но он тренировался как одержимый. А Карстен, напротив, был гораздо лучше подготовлен и приспособлен к восхождениям и спускам.

Наше первое восхождение – на Бьёрнефьелл на границе Фемунденского национального парка – нельзя было назвать очень сложным, хотя последние пятьдесят метров до самого пика оказались слишком крутыми. Мы разделились на две команды. Одна команда будет ждать внизу, пока другая вскарабкается вверх и спустится обратно. После многих жарких дискуссий было решено, что мы с Карстеном составим вторую команду, а Камилла и Мадс – первую. Карстену не терпелось поскорее достичь вершины, но пришлось дожидаться, пока спустятся другие.

Мадс и Камилла прошли полпути к вершине. У Мадса началась паника, когда одно из его креплений ослабло. Карстен молча торжествовал. Камилла была беспощадна и сохраняла ледяное спокойствие, она очень злилась потому, что он так легко сдался. Она сидела на уступе скалы и отказывалась выслушивать его доводы. Она считала, что как партнёр он ей не подходит для такого серьёзного похода.

Мадс выглядел несчастным, но с явным облегчением начал спускаться. Он выдержал кислую гримасу Камиллы, шутил с нами, пил кофе из термоса и выглядел абсолютно счастливым.

Я откинула голову и посмотрела вверх – на отвесную стену перед нами. Вершины не было видно с того места, где мы стояли. Если они забрались так высоко, то могли бы увидеть пирамиду из камней? Скорее всего, нет. Ни Мадс, ни Камилла не ответили мне.

Обе команды карабкались вверх без страховочного троса. Никому из нас не хватало опыта, чтобы закрепить его. Поэтому мы больше рассчитывали на якоря и стоянки, и верёвкой одновременно пользовались только два человека. Карстен поднялся первым, он закрепил якорь – и теперь была моя очередь. Мы четырежды менялись местами, и, когда нам оставалось пройти ещё сто метров, я вдруг подумала, что мы уже внизу, у подножия, совершили ошибку. Возможно, мы выбрали не тот маршрут? Карстен поднимался медленно и тормозил всякий раз, когда мы менялись местами. Вдруг он крикнул, что он видит вершину Бьёрнефьелл. Он подстраховал меня, и я быстро преодолела остаток пути.

Вскоре мы стояли вместе с ним на горном склоне, на узком выступе, а на самом деле даже не на выступе, а на очень узком и неровном пятачке. Перед нами расстилалась гора – в оттенках

²⁹ Норв. Kolsås Klatreklubb – популярный спортивный клуб в Осло.

серого и чёрного цветов, в окружении зелёного лесного пояса. Низкое послеобеденное солнце сияло над полоской воды, которая сверкала между сосновых стволов. Над нами возвышался горный пик, чёрный и мрачный.

Карстен повернулся и посмотрел на меня – его глаза вспыхнули ярким, синим огнём. На его лице появилась странная гримаса. Он не улыбался, а как-то странно смотрел на меня. Мне показалось, что он дрожит.

Я спросила: ты не замёрз? Был чудесный летний день в конце августа. Не холодно, что-то около двадцати градусов. Он покачал головой. В его глазах появилось незнакомое мне выражение.

Я была готова подниматься дальше – до того места, где я могла бы установить якорь. Возможно, я уже представляла себя на вершине. Следующая остановка намечалась на пике. По моему позвоночнику уже растекалось приятное тепло, мне казалось, что я уже близка к цели, но Карстен взял меня за руку и заставил остановиться. Он захотел пройти следующий этап один. Ему показалось, что я чувствую себя не слишком уверенно. Он объяснил, что, судя по пирамиде из камней, площадь плато слишком мала.

Я не могла понять, что он имеет в виду. Я чувствовала себя вполне уверенно, и мне не терпелось двинуться дальше. Но он не уступал, почти оттолкнул меня к краю крутого уступа, а сам встал ближе к внутренней стороне скалы. Я чуть было не потеряла дар речи. Обычно Карстен не вёл себя так авторитарно. Неужели он и в самом деле решил, что я испугалась?

Он повернулся и стоял так, задрал голову и глядя на вершину. Он ослабил крепления. Но что-то одержало над ним верх, что-то, чего я не понимала. Я склонила голову и размышляла об этом. Этот поход на самом деле был не так важен для меня. Пусть он благополучно достигнет вершины первым, для него это так много значило. Меня только немного удивило, что он считал своё поведение вполне уместным. Но он был так сосредоточен на последнем этапе, что едва ли услышал, что я сказала.

Прошло полчаса, и он спустился. Это был другой Карстен. Он казался весёлым и счастливым, заботливым и любящим. Он сказал, что теперь моя очередь и что он может постоять здесь и подстраховать меня. Восхищался прекрасными видами, сказал: как жаль, что мы не смогли вместе пройти последний отрезок пути.

Приближался вечер. Тени в лесу становились всё длиннее. Мадсу и Камилле, конечно, не терпелось поскорее вернуться в наш домик. Я покачала головой, мне расхотелось карабкаться дальше. Меня уже совсем не радовала перспектива совместного покорения гор.

Через несколько недель после того, как мы вернулись домой, родители Карстена погибли в автомобильной катастрофе. Если бы не эта трагедия, я бы порвала отношения с Карстеном. Мне вдруг стало ясно, что на самом деле меня очень тянет в Финнмарк. Я была молода и не готова связывать себя никакими узами. К тому же меня испугали некоторые черты характера Карстена, с которыми я столкнулась в горах.

Но после трагедии с его родителями я отбросила все эти мысли в сторону, чтобы помочь Карстену прийти в себя и опомниться. В это время Мадс и Камилла стали настоящей опорой для Карстена. Я же оставалась просто зрителем, до этого я никогда не сталкивалась близко со скорбью и утратами, но делала всё, что могла, чтобы утешить его.

Через несколько месяцев мы поженились. Карстен на свадьбе плакал.

Произносились долгие и торжественные речи. А я сидела в свадебном платье, которое мне досталось в наследство от моей бабушки, и чувствовала себя как гость. Мои родители вернулись в Финнмарк. Они только намекали, что было бы неплохо, если бы мы в ближайшее время смогли их навестить, но я знала, что пройдет немало времени, прежде чем я снова увижу их.

Сразу же после свадьбы мы переехали на виллу, где раньше жили родители Карстена. Мадс и Камилла тоже поженились.

Все окружающие считали, что экспедиция на Северный полюс изначально была моей идеей, и не в последнюю очередь потому, что Карстен повторял это на каждом шагу. Он объяснял, что я всегда держалась особняком и что из-за того, что моё детство прошло в Финнмарке, я чувствую себя особенно комфортно в зимних условиях. По его словам, я ощущала себя одинокой в свои двенадцать лет, когда переехала в Нордстранд. Он с особой гордостью повторял старую историю, повествующую о том, что я спасла жизнь ему и его друзьям в Эстмарке – взяла да и разбила окно, то есть сделала то, что не рискнул сделать никто из них. Он рассказывал, что потом его родителям пришлось приводить всё в порядок и платить за причинённый ущерб. Меня смущали все эти комплименты, и я чувствовала себя так, словно я – артефакт, которым он хвастается.

Карстен говорил, что именно я мечтаю попасть на Северный полюс. Я пыталась протестовать, но как можно возражать человеку, который считает себя правым? Впрочем, я и правда тосковала по Финнмарку, по зимнему свету, по замороженному селю и кустарникам, покрытым инеем, по отдалённым силуэтам оленей, которые мигрируют в поисках новых пастбищ, по белым облакам, которые плывут над лесами, по треску снегоходов, снующих по дорогам, огибающим простые деревянные дома. По всему тому, что мне казалось недостижимым.

Северный полюс вообще не занимал мои мысли. На самом деле всему виной Мадс. Однажды вечером он заявился к Карстену с какими-то ветхими книгами о Северном полюсе, которые он нашёл на чердаке в доме своих родителей. Это были первые издания, и, конечно, очень ценные экземпляры, и Карстен обращался с ними как с бесценными реликвиями. Он с гордостью показал старую потрёпанную книгу на английском языке, медленно водил пальцами по выдавшей виды обложке, с чувством, толком и торжественно прочитал название: «Роберт Пири. Открытие Северного полюса в 1909 году под эгидой Арктического Клуба Пири». Первое издание. 1910 год.

Никто из нас не знал, что родители Мадса были такими заядлыми поклонниками полярных путешествий, но Мадс рассказывал, что его отец в самом начале пятидесятых годов несколько раз зимовал в Антарктике, отсюда и интерес к полярным путешествиям. Мадс наверняка гордился подвигами своего отца, как он это называл, и упивался любопытством Карстена и Камиллы. Поскольку никто из них не обращал на меня внимания, я сидела в кресле и клевала носом. Поздним вечером Карстен заявил, что в моё отсутствие они приняли решение: следующим нашим познавательным проектом станет поездка на Шпицберген.

Я с иронией спросила, а почему бы нам не отправиться в экспедицию на Северный полюс. Карстен взглянул на меня с искренним восхищением. Его глаза светились гордостью. Таким образом, идею экспедиции на Северный полюс можно было смело приписать мне.

Так постепенно выстраивался карточный домик – домик фантазии и мечты. Наконец-то Мадс оказался в центре нашего внимания. Теперь он без усталости искал старые книги о полярных путешествиях – в букинистических магазинах по всему городу. Раньше он всегда тратил деньги осмотрительно и следил, чтобы каждый внёс свою долю в общие расходы. Теперь он отбросил в сторону все эти соображения и присвоил себе должность куратора проекта.

В первую же осень после книжных находок все всерьёз приступили к подготовке экспедиции. Я пыталась немного притормозить эти дерзкие планы, твердила, что нам потребуется немало времени, чтобы найти деньги на расходы. Но мои друзья и муж пропускали всё мимо ушей. Камилла сочувственно улыбалась и говорила, что уже слишком поздно давать задний ход. Механизм запущен, и отменить ничего нельзя. Она отбирала самые интересные из своих статей и издавала их в виде сборников, некоторые из которых получили положительные рецен-

зии. После этого она сама на свой страх и риск зашла в издательство и продала им идею своей следующей книги об экспедиции на Северный полюс. Карстен был взбешён, когда узнал об этом. Камилла считала само собой разумеющимся, что она станет участником экспедиции.

Мадс впрягся в работу и трудился без перерыва, он составлял таблицы Excel и вписывал в них даты тренировок, подготовительных мероприятий, встреч со спонсорами. Ему даже в голову не приходило, что мы, возможно, не успеем подготовиться к назначенному дню. Мы читали разные истории о давних полярных путешествиях и общались с разными экспертами по экстремальному туризму. Карстен с азартом рассказывал о Роберте Эдвине Пири, которым безмерно восхищался. Американский полярник на протяжении двадцати трёх лет совершал экспедиции в Гренландию и с каждым разом приближался к полюсу. На девятый раз ему это удалось. 6 апреля 1909 года он достиг Северного полюса – если верить его собственным записям в дневнике.

Я не могла поверить своим ушам. Карстен, который так высоко ценил изысканную еду и выдержанные марочные вина, вдруг начал восхищаться примитивными условиями жизни в Гренландии. Ни экстремальный холод, ни зимняя тьма, ни изнурительный труд, ни недуги уже не тяготили и не пугали его. А я не возражала, я знала, что мои протесты не смогут ничего изменить. В конце концов взаимное раздражение между мной и Карстеном достигло апогея. Даже мои редкие и короткие реплики его раздражали. Но почему я была столь негативно настроена, к тому же ведь я сама предложила всё это?

Я не должна была вмешиваться в логистику, потому что Арктика – это не Финнмарк. Карстен решил вложить все свои силы в реализацию проекта. Снаряжение и навигационные приборы сейчас в сотни раз совершеннее, чем во времена Пири. Нужно только тщательно всё спланировать, и тогда наши подвиги и достижения станут достоянием истории.

Наши друзья и родные были заблаговременно проинформированы о предстоящей экспедиции. К моему изумлению, оказалось, что все они впечатлены нашим проектом. Особенно они гордились нами после того, как наши планы достичь Северного полюса стали достоянием общественности. Карстен стал неизменным персонажем светских хроник, тем более что он с самого детства был известным и любимым семейным героем кинофильмов. Он всегда был готов дать интервью, скромно улыбался фотографам. Среди всех других экстремальных проектов, стартовавших в это же время, наш проект занял особое место – и только благодаря ему.

Но куда не денешься – время от времени пресса позволяла себе и критические высказывания. Особое внимание обращали на спорные аспекты экспедиции – на недостаток опыта будущих участников, на старт, запланированный со Шпицбергена. Эксперты и специалисты разного уровня предупреждали – через прессу, – что такой план практически неосуществим. Нерешённые материальные вопросы могли сорвать все планы. К тому же кто они – участники экспедиции?

Всё это были вопросы, о которых путешественники старались не думать. К счастью, тот факт, что Карстен и Мадс собирались взять меня и Камиллу с собой в качестве участников, ещё не стал достоянием общественности. Карстен объяснял, что ещё слишком рано предавать эти планы огласке, что проект ещё не вполне обкатан и нужно сохранять интригу.

Для Карстена экспедиция с каждым днём становилась всё более важной частью жизни. Жажда стать предметом всеобщего поклонения повлияла на него как яд замедленного действия. На каждой встрече или лекции люди выстраивались в очередь, чтобы сказать ему, как он смел и бесстрашен и как они им восхищаются. И от этого он даже становился выше, выпрямлялся, выпячивал подбородок и примерял на себя собственное будущее – в качестве популярного героя полярных путешествий. Дома на кухне его невозможно было узнать. Он стал неправдоподобно дружелюбным, вежливым и красноречивым.

А прессе между тем не терпелось разведать, кто эти двое других участников экспедиции. Нас подстерегало разоблачение. Мы уже совсем потеряли голову от публичной славы.

Камилла нашла Свейна Ларсена. Она проявила инициативу и связалась с клубом ездовых собак «Аскер», чтобы узнать, кого они могли бы предложить нам в экспедицию. Однажды вечером она встретила с ним и представила его нам. Так, по-видимому, спонтанно, экспедиция на лыжах трансформировалась в путешествие на собачьих упряжках.

У Свейна было всё, чего не хватало Мадсу и Карстену. Он был молод, безрассуден, жизнелюбив. Путешественник, одержимый полярными экспедициями. Ходячая энциклопедия, хроника жизни героев былых времён, их достижений и ошибок. К тому же он был профессиональным мастером на все руки. С ним процесс планирования экспедиции и логистики обрёл черты практицизма и целесообразности. Через некоторое время его стали воспринимать как постоянного члена нашей команды. Он был веснушчат, вихраст, со светло-каштановой шевелюрой и с чувством юмора.

Карстена не радовало появление в составе будущей экспедиции нового участника. Может быть, он почувствовал ревность – его затмили, хотя и старался не подавать виду. Теперь он вёл себя скромнее и сдержаннее всякий раз, когда его спрашивали, как продвигаются дела с подготовкой.

Но финансовая сторона вопроса превратилась для нас в самый настоящий кошмар. Нам не хватало денег, чтобы закупить всё, что необходимо, и продвинуть проект. Мадс больше не хотел вкладывать личные средства, он решил, что уже достаточно потратился. Карстен встречался с представителями частных компаний, банков и средств массовой информации, убеждал всех в уникальности проекта. И хотя он был просто незаменим в общении с потенциальными спонсорами, его усилия не принесли достаточных средств в бюджет.

Амбиции экспедиции явно превосходили её возможности. Окружающим начало казаться, что Карстен говорит не то, что есть на самом деле, а то, что хотят услышать спонсоры. Какова собственно цель этой экспедиции? Почтить память старых полярных путешественников? А может, поездка имеет политический подтекст, так как Карстен решительно подчёркивал важность того, что экспедиция стартует из Норвегии, со Шпицбергена? Или самое главное – собрать научные данные? Многие спонсоры отмечали, что Карстен всякий раз по-разному описывает цели экспедиции, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Глава 8. Ожидание

Ранним утром в субботу, через двенадцать часов после того, как вертолёт улетел и оставил их, четверых мужчин, на льдине, Кнут даже не мог вспомнить, чувствовал ли он себя когда-нибудь таким покинутым и подавленным. Трое оставшихся участников экспедиции всё ещё были полны решимости отправиться на север. Во всяком случае, они не предпринимали никаких действий для возвращения в Лонгиер, когда вернётся вертолёт. Напротив, они приготовили сани для дальнейшего пути на север. Пирамидальную палатку они оставили. Спальные мешки упаковали, но одеяла снова скатали, чтобы сидеть на ледяном полу было немного комфортнее. Никакого примуса или котла с тающим снегом, никакого кофе.

Карстен Хауге предложил Кнуту взять спутниковый телефон и позвонить в администрацию губернатора, чтобы узнать, когда за ним сможет прилететь вертолёт. Кнут считал, что начальник полиции уже поговорил с Туром Бергерюдом и он в курсе дела. Можно только представить, что ему не очень-то по нраву то, что один из сотрудников губернатора находится на льдине, вблизи Северного полюса. Связь была почти идеального качества, такое впечатление, словно Том Андреассен находится за ближайшей скалой.

– У тебя всё в порядке, Кнут?

– У меня всё хорошо. А как дела у Свейна Ларсена?

– Он в больнице, под наблюдением, за ним обеспечен хороший уход. Туре Даль навещал его вчера вечером.

Три участника экспедиции промямлили приветствия.

– Ты докладывал губернатору о том, что случилось? Жива ли до сих пор собака?

– Начнём с конца. Да, она жива. Она разрыла себе место в нашем старом кожаном диване в гостиной. Нина просит передать тебе приветы и узнать, сможем ли мы рассчитывать на то, что нам купят новый диван... К тому же я разговаривал с Уле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.